

犬
狗

ЛИН НЯННЯН

НЕБЕСНАЯ СОБАКА

Том 1

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л59

Лин Няннян.

Л59   Небесная собака. Том 1. Спасение души несчастного /
Лин Няннян. — Москва : Эксмо, 2023. — 528 с.

ISBN 978-5-04-188873-2

У Чан — наследник северного клана У. Не успел он родиться, как стал для своего народа знаменем, тут и там гудели: «Сребро-власый господин будет богом и прославит Северную сторону!»

Но с самого начала все пошло не по плану: непростые отношения У Чана с родителями, появление таких же, как он, будущих богов, жаждущих власти, и кровожадных демонов усложняют путь юноши к Небесам. Еще и трепетно любимый им наставник — господин Го Бохай — оказался не так прост и скрывает ледящую душу тайну...

Со всем этим наследнику клана У предстоит разобраться и справиться, чтобы стать богом. Но... нужно ли это ему?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лин Няннян, текст, 2023
ISBN 978-5-04-188873-2   © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ПРОЛОГ

НА КРАЮ МИРА ДЕМОНОВ

— Э тот никчемный уничтожил всех, кого любил, и самого себя. Он не был достоин всех благ, которые ему уготовила судьба: родиться наследником северных земель, стать предзнаменованием и надеждой для своего народа, быть обладателем завидного здоровья и духовной мощи для свершения благих дел... Все воспевали его славу, не зная, в какого эгоистичного и неблагодарного пса в итоге он вырастет. Серебряные волосы стали излюбленным объектом художников, а спина тигра и поясница медведя¹ — скульпторов. Глаза цвета черного озера многократно описывались в поэтичных письменах. А имя Чан, дарованное родителями, среди гордого народа Севера обрело куда большее значение: его принялись писать на амулетах и вешать детям на шею как оберег от злых духов.

¹ Метафора, описывающая сильного, крупного и здорового мужчину.

И зря — этот пес не заслуживал таких почестей. Судьба даровала ему еще кое-что, самое важное, из-за чего люди с особой верой уповали на него. Появление наследника Севера на свет выпало в самый протяженный год Собаки, в холодную ночь, когда созвездие — хранитель благосостояния, именуемое Гоу¹ — было ярчайшим на небе. Ученые мужи, изучающие небосвод, едва не сошли с ума от открытия. Желая разделить эмоции, они хватали друг друга за плечи и восклицали: «Ах-ах! Это же счастливое предвестье для нас, друг мой». Так, с благой вестью они всей гурьбой поднялись к поместью правящего на Севере дома, где только что родился сын. И там увидели четырех стариков-летописцев, подтвердивших их радости: пожилые люди также пришли сообщить всем, что наследника в будущем ждет вознесение. «Этот У Чан станет небесным покровителем своего народа!» — произнесли они. Все знаки сходились, поскольку мальчик появился на свет в клане, где волк — преданный пес горной местности — являлся фамильным символом. И все же младенца уже с первых минут что-то не устраивало в своей участи. Он так громко плакал, что женщины в столице Тяньцзинь² заливались слезами вместе с ним, никто и ничто не могло его успокоить, даже тепло родной матери. Удалось это лишь вожаку волчьей стаи, который однажды, не выдержав плача ребенка, пришел к нему в спальню и улегся рядом, — молодой рассказчик прервался и уточнил: — Извините меня, что-то я много говорю. Уважаемый действительно хочет знать эту историю, к тому же в таких подробностях?

Говорящий молодой человек в самом расцвете сил сидел за маленьким столиком в разваливающейся лачуге на окраине мира демонов. Его крепкое от природы тело было облачено в одеяния черного цвета. На вороте и рукавах красовались вышитые золотые узоры извивающегося чешуйчатого зверя. Наручи блестели новизной, а широкий пояс изящно подчер-

---

¹ Созвездие, состоящее из семи звезд, которое в Древнем Китае называлось «Собака».

² Тяньцзинь [天津] — «небесная переправа».

кивал его стройную талию. Волосы, как лунный свет в ночи, колыхнулись, когда он опустил голову в ожидании ответа. По другую сторону стола раздался бархатный голос:

— Молодому господину нужна помощь, иначе зачем еще приходиться в этот нечестивый мир? Но все же я должен знать причины вашей печали, потому что не смыслю, чего вы хотите от меня — демона.

Напротив сидел мужчина, закутанный в лохмотья наподобие мантии, из-под широких рукавов которой виднелись лишь тонкие кисти рук. Судя по мягкости его голоса, возрастом он был не сильно старше своего собеседника. Возможно, на семь-десять лет. Однако его лицо скрывала тень капюшона, который он набросил при госте, так что определить, сколько ему было, не представлялось возможным. Внимая рассказу, мужчина подшивал маленькую тряпичную куклу. И длинные пальцы, в которых нервно подрагивала игла, не были предназначены для такого труда. В подобных изящных руках отлично смотрелось бы благородное оружие из ледяной стали или музыкальный инструмент с пятью-семью струнами.

Молодой господин продолжил:

— Кхм... Этого мальчика матушка государыня не тешила своей любовью, и чуть погодя она нашла ему наставника из далеких мест, на которого взвалили воспитание сына. Никто не знал и не слышал об этом мужчине, но весь его вид говорил: этот мастер вырастит достойного наследника клана, который прославится среди бессмертных. Отец редко появлялся в родных краях. Он всю свою жизнь посвятил народу и правлению и интересовался достижениями сына, лишь когда тот совершал что-то невероятное для своего юного возраста. Именно поэтому наследник клана всегда в шутку обронял: «Мой отец — вожак стаи!» — подразумевая именно того волка, что стал для него настоящей семьей. Как я уже говорил, молодого господина с рождения готовили к вознесению, и этого он никак не мог принять. Он не стремился стать служителем Небес. Если бы не его наставник, под чьим крылом он вырос... Ох, ведь когда-то мальчик поистине души не чаял в своем учителе...

Тем временем демон напротив бережно продолжал наносить стежки. Все его движения были неумелыми и опасными — игла так и норовила уколоть палец. Поймав себя на том, что более он не может совладать с руками, демон поднял куклу к свету и посмотрел на нее: старая ткань, оставшаяся от мешка из-под рисовой муки, две черные пуговицы вместо глаз и красные нити, прошитые по всему тряпичному тельцу. Он поинтересовался:

— Учитель был столь несправедлив к наследнику, из-за чего тот разочаровался в нем?

— Нет же! — взволнованно ответил рассказчик, и его пальцы вцепились в черный покров одежд на груди. — Учитель любил мальчика, но по-своему. Что бы этот маленький господин по своей глупости ни выкинул, наставник приходил к нему на выручку, учил его правильно держать меч, обучал письму и грамоте — всему, что знал сам. Внимание уделял и манерам, однако господин У все равно вырос упертым и непочтительным. Проблемой был именно ученик. Учитель, несомненно, жалеет, что когда-то взялся за его воспитание. Он готов был отдать жизнь, понести наказание за каждую оплошность наследника, стерпеть бесчисленное количество плетей — все, чтобы тот не сошел с правильного пути. А этот никчемный пес перечеркнул и его труды, и репутацию. Такой ученик не заслуживает прощения и уж тем более помощи. Но он раскаивается за то, какую цену учитель заплатил, и хочет помочь ему... — сребровласый господин облокотился на старенький столик и прикрыл лицо ладонями. — Он хочет все исправить и вернуть его...

У живущего на окраине мира демонов в ветхой постройке, слабо напоминающей домик, и сомнений не появилось, что объявившийся на пороге и есть тот самый ученик, о котором ведется рассказ. Вот только зачем он явился, к тому же в божественном облике? Холодная аура этого бессмертного неистово давила на собеседника всей своей мощью. По пустующему, заросшему паутиной помещению в одну комнату, что служила хозяину и спальней, и кухней, было видно, что этот демон беден. И раз у него нет средств для поддержания собственного жилища, то он явно не оказывает никаких услуг внезапно

объявлявшимся гостям, если только милость бескорыстного слушателя. Небожитель так резко заявился к нему, что он даже не успел поинтересоваться зачем. К счастью гостя, скрывающий свой лик под капюшоном оказался вполне добродушным и гостеприимным хозяином: он впустил опечаленного господина внутрь и даже предложил ему воды, вот только тот не нуждался ни в каких почестях.

Демон отложил толстую иголку, которой шивал тканевое тельце, и, не поднимая взора, направился к деревянной полке, украшенной маленькими куколками одна страшнее другой. Его тонкий силуэт замер спиной к собеседнику. Демону явно не доставало швейного мастерства, ведь каждая игрушка была олицетворением страданий. У одной глазки смотрели в разные стороны, а два стежка над ними, напоминающие брови, были приподняты, отчего казалось, что куколка вот-вот заплачет. У второй тряпичная ручка была сделана из красной ткани и выглядела из-за этого как освежеванная. Третья и последующие вместе с той, что демон поместил на полку, были вовсе недоделанные, словно мастер, пытаясь скорее завершить работу, каждый раз сдавался и возвращал куклы обратно.

Посмотрев на своих грустных и страшных кукол, мужчина постоял несколько секунд в молчании, а затем не оборачиваясь произнес:

— Я ничем не могу помочь. Вам следует вернуться, пока небесные чиновники не прознали, где именно вы находитесь.

По помещению тут же пронесся грохот: небожитель вскочил на ноги, и стул под ним рухнул на пол. Глотая слова от волнения, он разразился:

— Этот достопочтенный так долго искал вас! А вы так просто просите его уйти? — среброволосый небожитель вдруг ни с того ни с сего ударил ладонями по столу, из-за чего спина демона дрогнула.

— Мне жаль, — тихо прозвучал его голос.

— Вы... — небожитель обошел стол стороной, и его тень нависла над демоном. — В детстве учитель поведал мне историю, как две непохожие друг на друга души встретились

у большого персикового дерева. Один служил Небесам, второй миру демонов. Грядущее было предопределено, и никто не имел права вмешиваться в планы судьбы, даже время. Но живущие наверху были ослеплены верой в свое могущество. Глупо полагать, что, прознав о встрече, они бы не разгневались. Судьбы этих двоих стали примером: не каждый, покривший энергию инь, — тигр, а восседающий под солнцем и его энергией ян — дракон¹. Из-за вмешательства старых богов пострадали невинные. Первый день окончания зимы, обожаемый смертными праздник, превратился в бедствие. На головы людей обрушилась кара: небесные светила отгородили богов от смертных, затопили Поднебесную водами от проливных весенних дождей, и белые тучи надолго лишили землю солнца. Границы городов, многочисленные храмы, дороги — почти все, что с огромным трудом было создано людьми, — смыло. Небесных чиновников охватила паника, все они старались хоть что-то предпринять, явиться к страдающим на помощь. Но стало поздно, и люди узнали правду: они понесли наказание за ошибку богов, которые обманули и убили того демона, вонзив стрелу Света в его сердце. Бессмертные, у которых просят защиту, сотворили самое ужасное — разрушили душу, открыто бросив вызов судьбе...

— Зачем мне эта история? — пробормотал демон, сильнее натягивая на лицо капюшон.

— До этого я рассказывал историю о судьбе неблагодарного пса. Ему было суждено вознестись, но он всячески сопротивлялся. Он был ослеплен и не видел, какую боль этим приносит окружающим. Был охвачен страхом потерять то земное, чем дорожил сильнее всего. Совершал ужасные и непоправимые поступки, стараясь удерживать и контролировать чужие

---

¹ В древние времена инь и ян порой изображались в виде сражающихся тигра, символизирующего темные силы, и дракона — символа светлых. Концепция противоборства сторон является фундаментальной моделью всего сущего и раскрывает два положения, объясняющих природу Дао (Путь): «Всё постоянно меняется», «Одна противоположность не может существовать без второй».

жизни. И если бы не его учитель, он бы так и остался брошенной у дороги собакой, которую все боятся подпустить к себе. Только предначертанный судьбой путь оказался верным. Престав противиться, он наконец открыл глаза на истину — его страх оказался самым большим обманом в жизни, — рука небожителя коснулась плеча демона, но тот отшатнулся.

— Вы же понимаете, что эти две истории похожи? — мягко продолжил небожитель, спрятав ладонь. — Тогда боги ошиблись, нет ничего сильнее судьбы. Из-за их поступка пострадали не только смертные, тот бог также! Он взывал ко всеобщему пониманию, но верхний мир уже был против него. Он разочаровался их поступком, из-за чего чуть не потопил людей из-за горя от утраты.

Выражение лица, которое все время скрывала тень капюшона, резко переменилось. Демон до этого безучастно слушал молодого господина, но сейчас в разговоре что-то задело его. Он с раздражением заметил, возвратившись к столу:

— Простая выдумка, которой взрослые пугают непослушных детей. Вы и сами должны осознавать, что история о первых весенних ливнях никак не связана с вами. А ваш учитель поистине безрассудный человек, что поведал вам ее.

Демон потянулся за иглой, но ему преградили путь, накрыв острый инструмент ладонью. Небожитель дернул демона за запястье на себя и устремил на него налитые кровью глаза цвета безлунной ночи.

— Я не такой, как тот бог из народной выдумки, — прохрипел его низкий голос. — Стать снова никчемным, неблагодарным псом, чтобы свергнуть Небеса, для меня не составит большого труда! — Его рука с силой сжала иглу на столе. — Кровь за кровь — так говорят в моих краях. Я бы забрал с собой каждого и утащил на самое дно бездны, чтобы придать их восемнадцати кругам пыток!¹

---

¹ Концепция восемнадцати уровней Диюя (царства мертвых), где грешные души чувствуют боль и муки, но «умереть» от мучений, наказаний и пыток не могут.

Молодой господин вдруг рассвирепел, как зверь. Его глаза блестели неутолимой жаждой крови. Игла под давлением прогнулась и, словно крича от боли, заскрипела. Демон, не совершая попытки вырвать свою руку из плена, хладнокровно изрек:

— Каждый совершает ошибки. Верно, они не вправе были вершить суд над тем демоном, но, как и мы с вами, уважаемый господин У Чан, тоже. Будучи небожителем, вы, как никто другой, должны уметь прощать и наставлять других на правильный путь, а не уподобляться скверным примерам.

Слова демона задели небожителя: кто он такой, этот демон, чтобы учить его? Молодой человек опустил голову, и волосы, собранные в высокий хвост, скатились по плечу, как вода. Его пальцы побледнели и задрожали от напряжения. Словно желая убить, уничтожить металлический инструмент, дабы от него ничего не осталось, как и от переполняющего душу гнева, он сильнее сжал руку.

— Став... — запнувшись и немного помолчав, заговорил он вновь, — небожителем, я хотел бы делать так, как мне твердил учитель: поступать по чести, прощать и не держать обид... Но только если это касается меня. Учитель все время нес тяжелую ношу, а я со своим дурным характером лишь добавлял ему проблем. Я был так слеп, что теперь меня тошнит от самого себя!

Он поднял голову, чтобы увидеть в лице стоявшего перед ним плененного демона хотя бы каплю сострадания к себе. Отчаявшись, он искал помощи на самом дне этого мира. И хотя лицо демона все еще было скрыто под тенью капюшона, небожитель ощущал, как пристальный взгляд нервно блуждал по его лицу. Не отводя влажных и наполненных злобой глаз, походящей на огонь, что бушевал под водой и не хотел угасать, У Чан ровным голосом произнес:

— Неужели вы еще не поняли? — уголки его губ устрашающе дернулись. — Этот низменный пес все вспомнил. Го Бай, все!

Услышав это, демон тихо произнес: «Что?» — и сразу же пал перед столиком.

Они смотрели друг на друга в мертвой тишине, пока молодой господин, питавший надежду, что не ошибся, не придвинулся и не раздался металлический щелчок. Его рука, что мучила все это время иглу, покрылась кровью, но повергла соперницу. Кусочек металла вонзился в кожу и пустил своему мучителю кровь. Го Бай схватился за раненую руку небожителя и дрожащими пальцами принялся вытаскивать из нее обломки.

— Не переживайте, этому господину совсем не больно, — произнес У Чан, перехватив ладонь, что его касалась.

Он снова изменился в лице: теперь перед демоном сидел молодой господин, неуверенный в себе и своих действиях, что дрожал от прикосновений, как лист на ветру. Его большие холодные руки прикоснулись к скрывающемуся за тенью капюшона лицу и аккуратно стянули ткань с головы, освободив от мрака светло-каштановые волосы и серые глаза. Демон тотчас почувствовал неприятный металлический запах свежей крови.

— Этот глупый больше никогда не упустит Го Бая!

Слова бога испугали мужчину. Он легким движением оттолкнул от себя небожителя, продолжая наблюдать за ним. Тот явно был не в себе, его переполняли противоречивые эмоции: минуту назад он гневно стучал по столу, требуя его выслушать, а теперь весь его вид говорил о том, что он вот-вот впадет в отчаяние.

— Почему же вы сбежали?! — гнев вновь охватил небожителя, но его темные глаза уже наполнила влага.

Го Бай промолчал. Стараясь всеми силами сохранить хладнокровие и ясность рассудка, он на одном дыхании поинтересовался:

— Что ты сделал?

Неизвестность повисла в воздухе. Судьба Небес действительно зависела от этого неблагодарного пса и его умений проглатывать обиды. Палящая злоба и силуэт мужчины напротив отразились в глазах небожителя, когда тот поднял взор.

— Вы не ответили... — Он приложил большие усилия, чтобы сказать это. Та печаль, что мимолетно врывалась в диалоги, взяла свое, и он, поджав губы, молча принял свою участь.

Не скрывая скорби, У Чан потянул было ладонь к Го Баю, но вдруг отступил. Слезы, как большие жемчужины, покатались по его щекам и со стуком ударились об стол. Изящные, приятные глазу черты лица обрели бóльшую невинную красоту: подрагивающие и длинные, как перья, ресницы смахивали капли, прямые брови сомкнулись на лбу, кожа цвета белого нефрита позорно загорелась, а кадык в попытке сдержать всхлип заходил ходуном. Даже вылитая из бронзы фигура не смогла бы удержаться и разрыдалась бы при виде этой картины.

Печаль бога полоснула демона ножом по сердцу. Обойдя столик, он встал рядом с небожителем и аккуратно смахнул каждую каплю влаги своими тонкими пальцами.

— Учителю правда больше не нужен этот негодный? — хрипло спросил небожитель сквозь дрожащие губы.

Рука демона замерла, а после уверенно прикоснулась к волосам.

— Бедный, несчастный У Чан, не стоит идти по наитию своих мыслей. С юных лет твоим пороком было выдумывать лишнее и верить в это всем сердцем.

Испуганный собственными мыслями, У Чан вцепился в края одежды на груди демона и молча положил голову ему на грудь. Его обняли теплые руки, прижали поближе, и дыхание Го Бая начало медленно проникать в серебряные волосы, а сам небожитель услышал знакомый аромат льна и свежесть после дождя, доносящийся от мантии. Над его ухом прозвучал мягкий голос:

— Учитель не сбегал... И точно не жалеет, что когда-то принял наследника в ученики.

— Но тогда почему, — раздался голос в груди демона, — почему оставили меня? Ко мне вернулись воспоминания прошлой жизни, я думал, что не вынесу всего этого... Известие о вашей гибели уничтожило меня. Из-за меня вы вновь пострадали, я это знаю. Но вы же могли оставить знак... Зачем вы так жестоко поступили со мной?

Го Бай крепко обвил руками спину бога, вложив в это объятие все силы и всю боль, что была на душе.

— Если ты все помнишь, почему ты спрашиваешь меня об этом? Зачем заставляешь меня вновь вспоминать те страшные моменты? Никому из старых богов нельзя знать, кем ты был в прошлой жизни. — Го Бай замялся и резко сменил тему: — Поэтому тебе не стоило меня искать, ты не должен повторять мои ошибки.

Демон приподнял голову небожителя и коснулся губами его лба, прямо того места, где стояла печать бессмертных.

— Тебе нельзя раскрывать себя, для всех ты избранник Небес — У Тяньбао, наследник клана У, сын сильнейшего военнo-командующего Севера. Если бессмертные чиновники узнают, что ты, демон Душ — Мокуан¹ — в прошлом, смог переродиться и вознестись, они и правда заберут тебя на дно бездны вместе с собой. Старые боги еще не готовы взглянуть правде в глаза.

— Го Бай, — названный столькими титулами вжался в грудь демона сильнее, — почему я раньше ничего не вспомнил? Вы были так близко, а я... В этой жизни я растерзал свою душу вопросами на множество осколков. Теперь же, когда все открылось, а мои догадки обрели глупый и жалкий вид, вы просите меня подождать? Быть вашим сторонним наблюдателем, учитель, неподъемная ноша. Признаю, я слаб перед вами. И лучше подставить спину под удар за вас, чем...

— У Чан! — осадил демон небожителя. — Это... мой выбор.

Небожитель резко замолчал. Руки демона вновь приподняли его голову, открыв мокрое от слез лицо, и плачущий бог узрел: мужчина, что нежно пытался его предостеречь, также был в сомнениях, его сжатые губы и трепещущие ресницы говорили лишь об одном: «Не делай этого!»

— Учитель...

---

¹ Прозвище Мокуан: мо [魔] — «злой дух, демон»; куан [狂] — «сумасшедший, помешанный».

ГЛАВА 1

НА ГОРЕ МИРА СМЕРТНЫХ

На юге и севере, на западе и востоке проживало бесчисленное количество народностей. Повсюду царил смута из-за нетерпимости людей друг к другу, но одному достопочтенному такое положение дел было не по душе. Как чиновник, контролирующий уже большую часть Поднебесной, он понимал, что так больше продолжаться не может, и вызвался прекратить войны. Народу понравилось его стремление и были близки его взгляды. Их восхитило, как будущий правитель гармонично находил применение способностям людей в соответствии с их качествами и талантами. Судьба наградила его мудростью и благосклонностью. «Только объединение приведет нас ко всеобщему господству. Мы научимся терпимости, а первобытную жажду направим на развитие экономики и искусства и защиту от чужеземцев». Так наступила эпоха мира и процветания. Все небожители благоволили такому прави-

телю, целые семьи со всех сторон света шли в столицу, чтобы поспособствовать всеобщему процветанию.

При дворце его величества служило множество чиновников: кто с севера, кто с юга. Наблюдая лично, к каким высотам этот достопочтенный привел их, они перестали думать о ненависти и распрях. Живущих в достатке и образованных становилось больше с каждым годом, территории расширялись. Но случилась беда — Сын Неба¹ ослаб здоровьем. Стоило этой новости получить большую огласку, как власть в его руках треснула, словно глиняное блюдо от сильного жара. Появились мятежники, каждый из которых видел себя новым правителем. Пришли чужеземцы, которые не признавали его императорское величество и никогда не хотели иметь с ним дел. Поднебесную снова охватила смуга.

За годы кровопролитной войны народы вновь поделились: вначале на десять правящих кланов, потом их стало шесть, еще позже — четыре. На последней отметке мир среди противоборствующих сторон, казалось бы, возобновился. Клан У правил северной частью Поднебесной, семейство Ба контролировало южную, Чжао — западную, а Луань — восточную. Некоторые главы кланов тревожились, что появятся новые жертвы, как только они окрестят территории своих владений независимым государством. Поэтому славных названий своим землям и девизов правления² не давали. Другие надеялись на восстановление единства и прежнюю жизнь, вспоминая эпоху процветания при павшем императоре. Поэтому территории, так и не провозглашенные государствами, стали именоваться согласно сторонам света: Север, Юг, Запад и Восток.

С течением времени семьи достопочтенных Ба и Чжао что-то рассорило. Никто доподлинно не знает, с чего начался их конфликт, и по итогу земли Юга и Запада были объеди-

---

¹ Сын Неба — один из титулов правителей, император.

² Девиз правления — символическое выражение, обозначающее период правления государя или императора.

нены, а во главе нового образования встал клан Ба. В Поднебесной осталось только три сильнейших народа.

Однако войны утихли, а опасность для людей осталась. Демоны. Смерти и вражда породили множество темных существ помимо тех, что уже имелись. Из-за бурлящей скверной энергии среди окропленных кровью земель грань между миром демонов и миром людей совсем истончилась, а нечистая сила стала все чаще врываться в Поднебесную. Только мудрейшие из живущих среди облаков и мягких лучей солнца бессмертных были в силах дать им отпор.

Сколько лет Поднебесной, столько и небесному чертогу. Расположившись в пантеоне, стоящем на невидимых для смертного глаза столбах, боги без прорыву ведут свои дела: оберегают людей и отзываются на их молитвы. Взамен смертные возводят в их честь множество храмов, кумирен и алтарей, зажигают благовония и делают подношения, тем самым прославляя и укрепляя могущество своих покровителей.

Небожители прикладывают массу усилий, чтобы сдерживать демонов, и тем не менее нечисти среди людей с каждым годом становится только больше. Первобытные повадки темных существ, как у диких голодных зверей, сменились холодным и расчетливым умом. Теперь обманутые люди сами идут в лапы злых духов, а восседающие наверху печалются: как им спасти смертных, если те сами решили прыгнуть в клыкастую пасть? Забот у богов стало в разы больше.

Стараясь вернуть все на свои места, покровители мира смертных погрузились в постоянную борьбу, и это только сильнее разозлило противоборствующую сторону. Тигр возжелал допрыгнуть до верхов, в которых прячется дракон. Демоны нашли способ ударить по гордости небожителей самым низменным способом: люди стали называть нечестивцев темными богами, чем закрепили и их могущество в Поднебесной. Отныне благовония могут гореть, а подношения делаться не только для живущих среди облаков и лучей солнца.

Соблазнившись возможностью получить лучшую жизнь, люди заключали разного рода сделки с нечестивцами, тем

самым усилив одну из сторон в и так непростой схватке света и тьмы. Люди не смыслили, как злостно будут обмануты, поскольку после темные боги назначили цену за свою помощь, которую ни один смертный не в силах был заплатить. Их многочисленные души канули в небытие. И те, кто связывался с демонами, сами лишали себя шанса на перерождение — новую жизнь после смерти.

Охваченные страхом содеянного, все они, как дети после проступка, пришли к бессмертным праотцам и взмолились. Каждая молитва, дошедшая до небесного чертога, желает быть услышанной, но теперь просьб смертных стало в разы больше, чем тех, кто их может исполнить. Да еще и люди усложнили службу верховным благодетелям, молясь обо всем подряд: от спасения собственной жизни до дарования крепкого сна своему скоту. Подобное происходит уже не в первый раз, оттого в их мире рождаются новые боги, избранные Небесами, которые должны преодолеть тернистый путь к вознесению: только выказав должное уважение к небесным покровителям благочестивыми поступками и сделав из своего тела крепкий сосуд для бессмертной жизни, они смогут вознестись. Так, в эти нелегкие времена разлада между народами знак о том, что появится новый будущий бог, прогремел целых девять раз.

Одним из девяти избранников стал мальчик с глазами черными, как вулканическая сажа, и волосами серыми, как пепел. Рожденный наследником в клане, что контролирует Север, он также стал предзнаменованием величия правящего здесь господина. Среди гор и рек, раскинувшихся на тысячи ли¹, северный народ праздновал целый месяц это счастливое событие. Стабильность и процветание не покидают их земли, ремесло по металлу и земледелие вызывают восхищение среди жителей соседствующих территорий, и все это благодаря достопочтенному главе клана — отцу новоиспеченного будущего бога.

---

¹ Ли — единица измерения, равная 500 м.

Пороги в поместье семейства У стерлись от частых гостей. Чиновники, ученые мужи, монахи и даже тайновидцы — каждый желал взглянуть на младенца и предсказать, как именно он сможет послужить своему народу. Вместо игрушек в неокрепшие ручки младенца пытались подсунуть рукоять меча¹, таким образом показывая, что он может стать великим богом войны; метелку из конского волоса — символ нравственности и морали будущего бога благополучия; кисть из бамбука и мягкой шерсти, деньги и карту северных земель Поднебесной. Но ничего из этого не вызывало у наследника особого интереса. То ли испугавшись нахлынувшей толпы, то ли противясь упорству прилипал, он лишь плакал.

Непокладистый характер начал проявляться уже с первых дней его появления на свет. Люди сочли, что так благодетель выказывает свое рвение. Родные же терялись в догадках, чего ребенку не хватает. Поэтому отец семейства, поразмыслив, дал имя своему наследнику уже на второй день. Постоянный плач сына напоминал главе вой горного волка, а созвездие-хранитель Гоу, под которым тот родился, благоволило дать ребенку созвучное имя. Поэтому отец выбрал имя Чан, имеющее еще одно значение в северном диалекте — «волчонок».

Наследник быстро оправдал данное ему имя. Только встав на ноги, он принялся всем досаждать, бегая по имению клана в компании местных волков. Никто не мог повлиять на сорванца, даже родная мать, а народ лишь охал.

Местные слуги и завистливые люди стали болтать между собой о наследнике, когда тот подрос. Кто-то считал его сверхизбалованным матерью, что в одиночку пыталась воспитать отбившегося от рук «волчонка», пока отец семейства и по совместительству глава клана путешествовал по своим владе-

---

¹ Старая традиция, подсказывающая взрослым то, в чем ребенок преуспеет. В рамках этого обычая малышу в первый год рождения предлагают выбрать одну из вещей, каждая из которых представляет разные профессии и сферы жизни.

ниям, помогая народу. Кто-то говорил, что мать-то и не любила сына, который был лишь предлогом женить на себе главу клана. В прошлом она была дочерью богатого землевладельца, но его власть и богатство рассеялись по ветру с окончанием войн. И все ее приближенные действительно отмечали, что женщина не уделяет сыну должного внимания. Вдобавок слишком рано госпожа начала требовать от ребенка ответственности и благоразумия, когда тот всего лишь нуждался в материнской любви и ласке.

Женщина эта была горда и своенравна. Помимо того что никому в близком кругу не позволялось вспоминать о ее бременном прошлом, она также была не в силах стерпеть проявления неуважения. Так однажды случился поучительный для всех инцидент. Во время шумного народного гулянья в Праздник весны¹ улыбчивая госпожа схватила в руки хлыст из местной конюшни, и стены поместья наполнились криками невежественных слуг. Простое приспособление для управления лошадьми стало коварным оружием в руках обиженной дамы. Госпожа У с остервенением порола грубиянов по спинам, разрубая их кожу тонким кончиком прута и заставляя слезно молить о прощении. Оттого ее начали бояться все при дворе семейства и даже перестали смотреть ей вслед.

Возлагая на себя с каждым днем новые обязанности по управлению кланом на время отсутствия главы, женщина еще больше отдалялась от сына. А он то и дело нарушал ее спокойствие новыми выходками. Местные постоянно жаловались: то один из богатых господ придет плакаться, что наследник клана со сворой своих домашних псов терроризировал его домочадцев и нанес непоправимый вред, испортив прекрасную старую яблоню, то местная дама пожалует с вестями о треснувшей крыше павильона, по которой бегал малец, то родители одной из семей расскажут, как их дети стали жертвой нападок

---

¹ Праздник весны, который также известен как Новый год, отмечается на второе новолуние после зимнего солнцестояния.

шкодника... И от всех этих новостей голова бедной госпожи болела круглыми сутками. Ситуация требовала решительных мер: ребенок нуждался в воспитании и наставнике, что будет приглядывать за будущим небожителем.

Так в один из холодных осенних дней в поместье клана У явился мужчина, отозвавшийся на просьбу госпожи. Все на горе Хэншань¹ и в городе у ее подножия несказанно обрадовались этому господину. Наконец-то к ним вернется покой, а маленький «волчонок» возьмется за ум! Однако, увидев учителя наследника, местные жители засомневались: разве может такой молодой и миловидный мужчина воспитать из пятилетнего сорванца воина и благочестивого бога? Вдобавок ни о подвигах прибывшего с Юга, ни о его мастерстве никто не слышал, из-за чего в сердцах людей зародилось опасение: назвавший себя Го Бохай — проходимец, который обманом убедил госпожу в своих способностях.

На вид будущий наставник был слаб и хрупок: его тонкое телосложение, нежные черты лица и руки, будто бы никогда не державшие оружия, говорили, что он больше походил на духовного воспитателя, чтеца высокой литературы, нежели на того, кто может усмирить пылкий характер ребенка. Однако взмахом меча этот человек поражал ветер и сердца людей². Все с огромным интересом следили за ним, ожидая его наставнического провала. А господам из знатных домов это показалось занятным: никто не верил в господина Го и его способности, каждый считал, что мужчина вот-вот сойдет с горы с полным разочарованием в мальчике. Но из года в год наследник делал все новые успехи.

Госпожа У словно точно знала, кого выбрала на роль наставника. Го Бохай начал оправдывать ее ожидания

---

¹ Хэншань [衡山] — гора Равновесия (одна из пяти священных гор даосизма).

² Отсылка к китайской идиоме «взмахом топора поражать ветер», которая подчеркивает выдающиеся способности или умения человека мастерски делать что-либо.

в первые же дни пребывания в поместье. При всем своем незначительном виде он сразу же нашел подход к мальчику — через игры, что так забавляли ребенка, — и признание вожака волчьей стаи, который опекал «волчонка» с самого его рождения.

Даже первая встреча У Чана и Го Бохая указывала на будущий успех. Тогда, только узнав о прибытии наставника, юнец, сопровождаемый слугами, ворвался в приемный зал южного крыла поместья. Он так спешил утолить свой детский интерес, что серебряные волосы растрепались, а грудь вздымалась от сбившегося дыхания. Несколько слуг кинулись привести мальчика в приличный вид под грозным взором госпожи. Господин Го уже поднялся, чтобы поприветствовать наследника, как все услышали:

— Мастер?

Окружение охнуло от неожиданности. Все присутствующие, даже мать, предвидели категоричный отказ со стороны У Чана. Ведь всё, что бы ему ни предлагалось, он тут же отвергал. Го Бохай с улыбкой ответил, заведя руки за спину¹:

— Наставник.

В зале воцарилось гнетущее молчание. Множество взоров были направлены на нахмурившегося наследника:

— Учитель?!

Никто из наблюдавших не понимал, что происходит. Но зато резко почувствовали спиной холод из-за осознания: от ответа мужчины зависит будущее настроение наследника. Если ответ ему не понравится, то будет сложно заставить мальчика уважать этого господина. Го Бохай склонил голову набок, словно признавая поражение, и мягко протянул:

— Учитель.

Будучи добрым и внимательным, Го Бохай добился желаемого. И всего через тридцать лун после его прибытия забот у госпожи поуявились.

---

¹ Поза с заведенными за спину руками является жестом уважения к собеседнику.

— Зачитай переписанное из книги «Демоны и тьма», том второй...

— Во тьме скрываясь под луной, ты неожиданно встречаешь темный облик мой. Мой взор проникнет в глубь души, теперь ты мой — смотри, кричи...

Юноша четырнадцати лет, стоя перед наставником в центре зала знаний, зачитал пару предложений из другой маленькой книги «Стихи, посвященные тьме» и, не скрывая ухмылки, присел на свое место. Услышав эти строки, Го Бохай поперхнулся.

— У Чан! — возмутился он. — Книга «Демоны и тьма», а не фольклор местных горожан!

— Извините, учитель. — Хотя У Чан опустил голову, в его глазах все еще сверкали искорки лукавства. — Но те исторические повести, которые вы заставляете меня читать, точно погубят меня, если я не буду отвлекаться на что-то другое.

Уже с рассветом наставник и его воспитанник усердно изучали множество записей о бессмертных верхних и нижних миров — богах и демонах. Уединенный павильон, в котором находились лишь двое, располагался прямо у богатого сада имени клана. За узорчатыми деревянными окнами открывался трогательный вид благоухающих деревьев, а ветер доносил запахи распустившихся цветков груши и яблони. Но это все, что могло порадовать взор и сердце У Чана. Внутри и снаружи большое здание было окутано строгостью: возвели этот зал знаний по личному указу главы клана, а он не приемлет излишеств как в интерьере, так и в проявлении эмоций.

Обучение наследника продолжалось до тех пор, пока юный господин не завоюет от скуки или вовсе не уснет за очередной книгой, написанной таким сложным языком, что даже Го Бохай иногда пугался в мыслях, изучая ее. Страдания У Чана не заканчивались только чтением, наставник требовал изложить суть прочитанного на бумаге не менее чем в тысяче слов, а после повторить все выученные техники владения мечом.

Держать тяжелый северный клинок и правильно им замахиваться — целое искусство, поэтому Го Бохай и сам нередко путался в тонкостях. Но пока что для юного возраста У Чана хватало и основ, которые наставник некогда сам долгое время изучал.

— У Чан, — выдохнув, заговорил Го Бохай, — не нужно отвлекаться на то, что пишут ничего не смыслящие. Столкнувшийся один раз с настоящим обликом демона человек не осмелится писать о нем в таком ключе...

Сидя напротив ученика и разгоняя рукой горячий пар, исходивший от чая, Го Бохай призадумался — вдруг ему что-то вспомнилось. Мужчина частенько проваливался в раздумья перед тем, как заинтересовать воспитанника своей мыслью. Поднося пиалу к губам, он непринужденно произнес:

— Если бы ты не терял время, выделенное на изучение трактатов и важных для твоего обучения книг, что я подобрал, ты бы уже давно дошел до демона Душ.

— А что с ним? — с интересом облокотился на стол У Чан.

— Считается, что он на сегодняшний день самый сильный в мире демонов. Он контролирует самое большое количество душ, и, если мне не изменяет память, никто не знает, как противостоять ему.

Го Бохай не желал так рано затрагивать эту тему. Но ситуация вынуждала его пожертвовать чем-то, чтобы вернуть интерес наследника к обучению. Можно считать, что он, как и всегда, победил, ведь только услышав его слова, юноша просиял. Откинув в сторону книжку — сборник стихов, который только что зачитывал, — У Чан принялся сосредоточенно перелистывать страницы «Демонов и тьмы». Шелест старого тома отразился эхом в просторном, почти пустом зале.

Го Бохай знал практически обо всех увлечениях юного господина. Будучи ребенком, он донимал уличных котиков, которые на дух не переносили его; вскарабкивался на высокие деревья и крыши, лишь бы доказать сверстникам свою смелость; повсюду прятал бумажные хлопюшки для прислуги, которая косо на него смотрела, а после принялся из засады

бросаться желудями в обидчиков, когда возраст позволил осознать, о чем именно те сплетничают. Теперь эта старая книга. Вот только наставнику было неясно, как она могла попасть в руки наследника. До этого У Чан проявлял интерес только к тем материалам, которые ему давал Го Бохай.

«Люди посвящают стихи демонам? Не думал, что такие дни действительно могут настать... Чем же тогда занят небесный пантеон?» — подумал Го Бохай и, измеряя шагами зал, принялся листать сборник.

*Море тьмы захлестнуло дивный цветок,
Вино хорошо, но всему есть свой срок.
И спокойная вечность сквозь пальцы течет,
Но душа так и рвется меж строк...*

Мягкая улыбка Го Бохая пропала, лицо скривилось от омерзения. Душа смертного поистине считалась бесценным даром. Утратив ее навсегда, любой становится бездушной куклой в руках тьмы.

«Сладкий вкус твоих губ, грязный запах любви, я...»

В комнате раздался резкий хлопок — Го Бохай яростно закрыл книгу, сжав ее в руках до побелевших костяшек пальцев. Лицо посерело от прочитанного.

«Возмутительно! — выругался он про себя. — Грязь! Как поэзия так резко сменила направление?»

От прочитанных строк обычно невозмутимый Го Бохай ощутил палящий жар, такой, как если бы сейчас находился на горячих источниках и клубы пара окутывали все его тело. Душа ухнула на самое дно, а по плечам словно забегали мелкие насекомые. Го Бохай даже не желал поразмыслить, о ком та поэма или к чему она ведет.

— Учитель меня обманул! — раздался голос из-за спины наставника. — Здесь и слова не говорится о демоне Душ.

— Разве? — Го Бохай обернулся, столкнувшись с хмурым видом на еще совсем юном лице. Заглянув в книгу, он нарочито расстроено заметил: — Действительно, это же второй том, а демон Душ в третьем...

— Опять лжете?!

— Нет-нет... Учитель просто староват, его память подводит...

У Чан отвернулся, скрестив руки на груди:

— Этот ученик больше не верит словам учителя...

— Но разве я когда-то тебя обманывал? — слегка усмехаясь, склонил голову Го Бохай так, чтобы увидеть выражение лица ученика. Юный господин, заметив теплый взгляд наставника, не смог удержаться от ответа:

— Н-нет... — а после отстранился и добавил: — Но ведь вы говорите, что вы старый, и это уже звучит как обман.

— Тогда больше не буду так говорить. И обещаю, что завтра мы возьмемся изучать третий том.

Стирая недавно прочитанный стих из памяти, Го Бохай погладил наследника по серебряным волосам. Рука прошла от макушки до небрежного пучка, переходившего в длинный хвост, и, опустившись к шее, слегка ущипнула за ухом.

— Ха-ха-ха, — залился смехом У Чан. — Хорошо, хорошо, только перестаньте!

Так уж сложилось, что под любым предлогом Го Бохай старался рассмешить ученика. Ни одна вещь в этом мире не могла сравниться со звонким, заразительным смехом У Чана, что растекался и проникал в глубь души наставника.

Наследник покатился по полу в попытках увернуться от тонких щекочущих пальцев. Влево, вправо — он переваливался из стороны в сторону, но словно умышленно подставлял свои бока, заливаясь большим смехом и слезами от приятных пыток.

— У Чан! — раздался грозный голос за стенами зала знаний.

Госпожа У прошла неподалеку, поднимая на уши всех. В комнату, нарушив царившую идиллию, ворвалась одна из служанок и попыталась объяснить. Запинаясь, она кланялась и вновь повторяла одну и ту же фразу хрипловатым голосом:

— М-молодой господин, госпожа ищет вас...

Го Бохай перевел взгляд на воспитанника. Предположение, что тот мог вновь подшутить над кем-то, кто ему не понра-

вился, было самым логичным и простым. Го Бохай обратился к У Чану:

— Случилось что-то, о чем я не знаю? Помнится, ты обещал...

— Обещал. Если бы что-то было, сразу сказал бы вам, вы же знаете!

Фигура в дверях сотряслась от ужаса и прижала руки к груди, услышав голос госпожи:

— Быстро его ко мне!

— Прошу, господин... — прошептала служанка.

У Чан решительно поднялся на ноги и, одарив наставника уважительным поклоном, выбежал из зала знаний. Госпожа У редко поднимала такой шум, зачастую только из-за выходок сына, и Го Бохай об этом знал... Весь тот неприятный разговор, предстоящий наследнику, коснется и его — оставалось только ожидать приглашения. Чтобы хоть как-то избавиться от тяжелых мыслей, он принялся убирать книги, разбросанные У Чаном вокруг столика, но тут за его спиной раздался неуверенный голос:

— Господин, извините эту служанку... Но госпожа требовала привести и вас тоже...

天狗

ГЛАВА 2

НЕПРИЯТНОСТИ ОТ ЮНОГО ГОСПОДИНА

Высокие стены из сандалового дерева¹. Фигурные оконные створки, через которые ветер заглядывал внутрь и покачивал широкое панно с символом зверя за узкими женскими плечами. Госпожа бросила гневный взгляд сначала на сына, а после на пустующее место в центре приемного зала. Как всегда, глава клана отсутствовал, и уже второй месяц от него не было никаких известий. Никто не знал, когда отец семейства вернется из важной поездки на Юг. И тем не менее на его стол всегда ставили свежие фрукты, которыми он мог перекусить, если неожиданно придет поздней ночью.

Гнев госпожи У не унимался, и она нарочито громко постукивала ногтями по столу. Напротив нее расположились наставник и его воспитанник, которые,

¹ Сандаловое дерево имеет насыщенный красный цвет древесины.

смирившись с ситуацией, молча склонили головы. Кто знает, что может прийти ей на ум: за дни и ночи, проведенные в одиночестве, женское сердце охладело и превратилось в камень.

Минуты молчания под перестук прелестных пальцев тянулись неумолимо медленно. Наконец, не выдержав гнетущей атмосферы, У Чан промолвил:

— Ма... матушка государыня...¹

— Молчи! Пока я не решила, как тебя стоит наказать! Позоришь наше имя, наш клан, мало тебе показалось извиняться перед семейством Бань за испачканные сиденья на чайной церемонии, так ты в отместку решил натравить на их сына местных шарлатанов, что оставили бедного мальчика без кошелька!

Го Бохай вперил взор в У Чана, и тот, неожиданно залившись краской, отвернулся от пары серых глаз. Вопрос в голове наставника возник сам собой: «Снова сын семейства Бань?»

В раннем возрасте У Чан был довольно хулиганистым. Го Бохай мог лишь смиренно ждать, когда период становления характера ребенка завершится. Вдобавок наставник не мог сердчать на своего воспитанника, когда сам замечал завистливые насмешки со стороны господ и их детей. Сын начальника округа как раз был одним из таких. Отношения двух молодых людей не заладились почти сразу, и вспыльчивый нрав У Чана только усиливал эту взаимную неприязнь. Тем не менее его прошлые поступки можно обозначить как детские, лишённые жестокости шалости. Маловероятно, что он сделал бы то, в чем его обвиняют. Со всей серьезностью Го Бохай готов заявить — его ученик давно вырос, и госпожа У должна была это осознавать.

У Чан с растерянным видом уставился на пол.

— Уважаемый Бань отвечает за округ Цзыю², в состав которого входит множество городов, в том числе и столица! На Севере он третий по значимости господин! Уже позабыл, как

---

¹ Матушка государыня [母后] — формальное обращение наследников к главенствующей госпоже или маме.

² Цзыю [自由] — «свобода, свободный».

именно он может повлиять на твое будущее? Ты... — речь женщины стала прерывистой, — не дожидаясь вознесения, решил перечеркнуть свое будущее?!

Переживания хозяйки горы Хэншань были уместны. Даже ее последующего удара кулаком о стол не требовалось, чтобы оба, наставник и сын, осознали всю тяжесть возможного конфликта: семейство Бань считалось одним из самых влиятельных на Севере, к мнению его главы прислушивались многие, в том числе и старейшины, играющие немаловажную роль летописцев. Их главной заботой было время от времени наблюдать за достижениями будущих богов с самого их рождения. Доверяя достопочтенному господину Бань Хэню, они могли легко сделать не самую приятную заметку о любом, на кого тот укажет.

Приподнявшись, У Чан как бы в ответ матери стукнул по столу.

— И что же теперь, винить меня по любому поводу?! Даже если я не виновен?

За те годы, которые У Чан провел подле наставника, госпожа очерствела и охладела к своей плоти и крови настолько, что верила любому слову извне, но не сыну. Можно было подумать, что для матери он стал источником всех ее прошлых и будущих неудач. У Чану ничего не оставалось, кроме как отбиваться от ее обвинений, не дожидаясь и намека на снисхождение. Вечно раздраженный от всего, что бы она ни сказала, со сведенными к переносице бровями и плотно сжатыми губами — таким он был с рождения, таким знала его госпожа. В летописях о небожителях, которые велись старейшинами, напротив имени юного господина У давно стоит заметка: «скверный характер». Госпожа У впала в замешательство.

— Невоспитанное дитя! Нужно еще и напомнить, какая ответственность возложена на твои плечи...

— Зачем повторяться? — У Чан темной тучей повис над столом. — Вы, матушка государыня, только и знаете, как обсудить мою ответственность перед народом... Позвольте закончить этот разговор.

Словно побег бамбука, не гнущийся под гнетом стихии, У Чан демонстративно развернулся и направился к выходу. В ту же секунду глухой удар кулаком по столу эхом разлетелся по залу.

— Вернись на место!

Но У Чан словно потерял слух.

— Неделя... месяц тебе на обдумывание содеянного! — продолжал женский голос ему вслед. — Тебе запрещено покидать поместье! А если ослушаешься, обещаю — в этот раз я все доложу главе!

Предупреждение успело добраться до У Чана. Прежде чем он захлопнул за собой дверь, мать и наставник услышали:

— Как пожелаете.

Не растерявшись, госпожа У повернулась к Го Бохаю и пригрозила:

— Ты ответствен за его поведение и поэтому первым понесешь наказание, если не образумишь его!

Вот и прозвучали те самые неприятные для Го Бохая слова. За четырнадцать лет терпение матери истончилось. Предать сына более серьезному — физическому — наказанию не позволяли как правила высших домов, так и этические соображения. О таком происшествии быстро выведали бы богатые сплетники, которые были бы крайне рады предать известие большей огласке. О скверных поступках наследника клана узнал бы и народ Севера, который к тому же ожидал от избранного Небесами исключительно благих деяний и намерений. Вдобавок не стоило забывать, что тело будущего бога для смертных представляло собой духовный храм, за осквернение которого любого могла постичь кара. И именно последнее приносило боль всякому семейству, где рождался избранный. Никто из родных понятия не имел, как именно воспитывать будущего покровителя, чтобы он вырос без клеш¹ и с чистыми

---

¹ Клéша — в буддизме обуславливает омрачение сознания, его загрязнение вещами, которые делают людей несчастными (страсть, зависть и т. д.). Обозначает негативное восприятие мира, мешающее ощущать мир таким, какой он есть в действительности.

помыслами. Поэтому госпожа У и пригрозила Го Бохаю: его положение предполагало, что он будет нести ответственность за проступки воспитанника с ним наравне. Пока что всё ограничивалось ворчанием и острыми высказываниями за закрытыми дверьми поместья, но чувство, что он вот-вот сорвется со скалы, которую так долго пытался покорить, становилось все ощутимее.

Скользнув взглядом по свисающим до плеч волосам наставника, госпожа с суровым видом удалилась из зала, так же хлопнув дверью, как и сын.

На долгое время во всем поместье главенствующего на северных землях семейства воцарилась мертвая тишина. Никто из слуг не осмеливался обсуждать ссору госпожи и юного наследника и то, что оба не разговаривали друг с другом уже месяц. В такие моменты хозяйка горы Хэншань была сама не своя, любой неоднозначный взгляд со стороны прислуги мог спровоцировать женщину вновь взяться за хлыст. Но в этот раз боль и страдания обошли всех стороной.

Срок наказания юного господина прошел. Запрет покидать родные стены никак не сказался на его делах, однако сам этот факт сильно тяготил У Чана. Вечерние трапезы проходили в разных концах поместья. За те дни, что уже успели пролететь, сын не единожды отказывал матери в приеме, чем сильнее подливал масла в огонь их конфликта. Слуги только и слышали гневное «нет» наследника и возмущенное «да как он смеет!» госпожи. Но, как считал наставник, У Чан поступал так не со зла. Просто в ученике бурлила горячая кровь, такая же, как у его родных, и требования матери неукоснительно явиться к ней только подогревали желание поступить с точностью до наоборот. Чем больше госпожа гневалась на сына, тем чаще он творил что-то возмутительное. Как, например, сейчас: У Чан, стоя перед садом, что так любила его мать, прожигал взглядом небольшой распутившийся куст орхидеи. Мысли

крутились в голове и сходились только в одном. Но вовремя подоспевший наставник быстро сообразил, что необходимо вмешаться.

— Надеюсь, ученик не собирается трогать цветок, что с большой заботой взрастила госпожа?..

Не отрывая взгляда от растения, о котором госпожа и правда заботилась гораздо больше, чем о сыне, У Чан покачал головой.

— Хорошо, а то я уже невесть что подумал, глядя на твой суровый вид.

На эти слова У Чан никак не отреагировал. Казалось, он сделает то, о чем подумал Го Бохай, и прямо на глазах учителя. Тонкие пальцы ущипнули наследника за ухо.

— Ау! — У Чан схватился за покрасневшее место, пытаясь прикрыться от последующих нападок.

Старая привычка Го Бохая мягко теребить воспитанника то за щеку, то за ухо вдруг не прибавила радости на юном лице. У Чан даже не обернулся. Поэтому Го Бохай оставил свои мудрые рассуждения на потом. Развернувшись и махнув рукой, он произнес:

— Идем, тебя все еще ждут тренировки.

Последовав за наставником, У Чан все же поднял голову и заметил пару местных служанок. Стоя поодаль, девушки время от времени перешептывались и косились на него. На них обратил внимание и Го Бохай.

— Не трать свой пыл по чем зря. Их явно озадачила госпожа, заставив приглядывать за тобой... — убедил он и себя.

Однако поначалу он все же заподозрил неладное. Госпожа ни разу не опускалась до того, чтобы отдавать подобные приказы. Но ведь слуги в поместье могли следить за его воспитанником по чужой просьбе: например, богатые люди из города у подножия Хэншань договаривались о таком с местными слугами и даже как-то раз из любопытства старательно расспрашивали Го Бохая, и все для того, чтобы позже было о чем спорить друг с другом. Поэтому лучше бы это был указ госпожи.

Го Бохай повернулся к ученику и по сжатым в кулаки рукам понял, как близко к сердцу тот принимает «добродушный» жест матери. Наставник не смог оставаться твердым и положил руку ему на плечо. Закрывая собой силуэты сплетниц, он тихо сказал: «Ну же...» — и У Чан наконец-то отвернулся от них.

Желание защитить юную и ранимую натуру овладевало наставником изо дня в день все больше, он словно чувствовал, как тяжело на душе у юноши, которого с рождения только и призывали к ответственности. Предвзятое отношение окружающих, строгость матери, вечное отсутствие главы и ворох сплетен, терзающих молодой ум, — все это Го Бохай пытался забрать себе, оставив воспитаннику только приятные моменты из земной жизни перед вознесением.

Задний двор, где располагалось тренировочное поле поместья У, был наполнен звуками рассекающегося взмахами меча воздуха, шарканья сапог и звонких выкриков. У Чан, вкладывая все силы в удар, вместе с выдохом выпускал накопившуюся злость.

— Если ученик будет и дальше так неразумно бить своим мечом, он быстро выдохнется...

В пяти шагах от тренирующегося восседал наставник, приняв бирманскую позу и держа меч, спрятанный в ножны, на ногах. Он листал один из томов «Демонов и тьмы», изредка поглядывая на юного господина, и добавлял:

— Неправильная стойка. И расслабь плечи, иначе вечером не разогнешь спину.

Сопровождая действия У Чана замечаниями, Го Бохай продолжал досконально изучать книгу: еще ни одно произведение Поднебесной не попало к воспитаннику из его рук, не пройдя тотальную проверку. С каждым годом тома, несущие бесценные тексты, все чаще искажались, действительно важная информация заменялась ложными или неверными фактами, поэтому ему приходилось денно и нощно их перечитывать.

Он постоянно — с раннего утра до поздней ночи — ходил с разными книгами. Го Бохай был охвачен идеей вознесения наследника клана У и прилагал все усилия к тому, чтоб облегчить этот путь. Но спросил ли кто у самого избранного Небесами, желает ли он того... Когда будущий небожитель будет проходить обряд вознесения, поднимаясь в небесные чертоги, все, что будет скрыто у него за душой, явит истинный облик, и лучше бы к тому дню она была чиста, а не наполнена сожалениями.

Остервенелые взмахи меча наконец утихли. Молодой господин вымотался и теперь, опираясь на меч, старался отдышаться. Жар от солнца и тела проступил каплями на коже, которые скатывались со лба и попадали за ворот. Промокнув тканью рукава лоб и переведя дух, он небрежно откинул меч в сторону и улегся у ног занятого чтением наставника.

— Разве тренировка закончилась? — не отрывая взгляда от книги, непринужденно задал вопрос Го Бохай.

Юный господин пытался восстановить дыхание и ничего не ответил. Лежа на спине, У Чан поглядел вверх, на солнце: оно было ослепительно ярким и безжалостно горячим — пришлось избегать с ним зрительного контакта и повернуть голову направо, где была лишь горная пустошь, а вот слева... Он повернул голову в сторону, и взгляд его сразу замер. Тут, на голой, ничем не прикрытой земле сидел мужчина, склонивший голову над листьями. Его серые, как грозовые тучи, глаза бегали по строкам, а брови иногда в удивлении поднимались и вновь возвращались обратно. Это лицо У Чан знает досконально: от небольшого шрама на ухе, скрытого под короткими волосами, до губ, по привычке терзаемых наставником, когда он о чем-то задумывался. Как он любил увлеченно проникать в суть книги, так его ученик любил рыскать по его лицу взглядом в поисках новых странностей. Сам У Чан избегал встречи с добрыми глазами Го Бохая, так как они влияли на него странно: после попадания в их чарующие оковы юному господину хотелось творить добро. В такие моменты он чувствовал себя одухотворенно, невесомо, ему хотелось спасти

кого-то или в крайнем случае помочь изможденным лесникам, срубив для них пол-леса, — все, лишь бы избавиться от этой внезапно появившейся легкости.

— Учитель, — окликнул его У Чан, — знаете ли вы что-нибудь о чистилище?

Молодой господин У не просто так заговорил о нем: желание увидеть учителя с другой стороны, упомянув о новом для себя месте, вдруг зажглось надеждой. У Чан никогда не расспрашивал наставника о том, что вычитывал в книгах с блошиного рынка, — это просто разозлило бы Го Бохая, но сейчас он решил поделиться этим, дабы увидеть удивление на этом прекрасном и умиротворенном лице.

— Чистилище... — повторил Го Бохай тихо, себе под нос. — Да. Почему ты спросил?

Выйдя из читательского транса, он слегка приподнял голову и, на секунду взглянув в сторону ученика, встретил черные глаза тигра¹, вперившиеся в него. В ту же секунду У Чан отвернулся обратно к солнцу и, прикрывая веки от слепящего света, продолжил:

— Ничего особенного, просто я на рынке купил несколько книг, одна из них повествует о пристанище потерянных душ, но учитель ничего подобного мне не рассказывал...

— Потому что еще рано, — мужчина вернулся к чтению. — О нем информации в этом мире немного... А если и есть, то неверная. Когда придет время, ты о нем прочтешь.

На лбу наставника возникла маленькая тень от прямых бровей: известие, что ученик читает невесть что, затронуло его сердце.

— Учитель!

— М-м-м? — мужчина вновь поднял голову.

---

¹ Китайцы любят гадание по внешнему облику, чтобы предопределить будущие качества человека. Глаза, напоминаящие глаза тигра, свидетельствуют о бесстрашии, энергичности, благородстве, упрямстве и удачливости человека, который также склонен к бунтарству и является преданным другом. Глаза выглядят как прямоугольные, будто бы обрезанные сверху и снизу, но внешний край у них округлый.

— Я правда не делал того, в чем меня обвиняют матушка государыня и начальник округа. Этот ученик не стал бы вам врать о таком. Я обещал...

— У Чан, я...

— Вы мне верите?! — юноша сознательно перебил его, ожидая услышать краткий ответ.

Наконец собрав в кулак всю волю, что оставалась в обессиленном теле, У Чан повернул голову и заглянул в слегка опарашенные глаза. Спустя тридцать дней он произнес то, что крутилось у него в голове, невзирая на опасения попасть под чары серых очей наставника... Страх того, что единственная опора в его жизни пропадет, даст ему упасть, охватывал сердце острой, мучительной болью, не давал даже вздохнуть. В его груди все сжалось так, что на лбу выступила холодная испарина, живот скрутило от ужаса, а руки и ноги стали ватными. Всеми силами он заставлял себя не отводить взгляд, не обращать внимания на тошнотворное состояние, бросающее в ледяющий ужас.

— Я верю тебе, — ответил Го Бохай.

Но такой ответ не успокоил юное сердце. Оказывается, в глубине души не эти слова У Чан хотел услышать — соврать было не так сложно. Взрослеющий наследник понимал это и никак не мог убедить себя в правдивости сказанного. Мысли, что роились в голове, пожирали его: кому можно верить, кто говорит правду, действует ли этот господин, сидящий рядом, из добрых побуждений? И с каждым годом У Чан зарывался в них все глубже: почему-то именно сейчас ему было важно знать, кто останется с ним по одну сторону, а кто предательски воткнет нож в спину.

Го Бохай заметил поникший взгляд и добавил:

— Даже если бы ты мне наврал, я все равно поверил бы тебе.

Солнце будто бы стало в десять крат ярче. Толстые серебристые брови, напрягшиеся под гнетом дурных догадок, в удивлении поднялись, а щеки, и так красные от тренировки, зарделись еще пуще. У Чан, ничего не ответив, резко подскочил и устремился к брошенному на земле мечу.

ГЛАВА 3

ЧАСТЬ 1

НЕЖЕЛАННАЯ ВСТРЕЧА

Вечером того же дня Го Бохай, расслабившись, разложил на полу своих покоев книги. Это была третья по размерам комната в поместье после опочивален главы У и юного господина. Здесь было все, что нужно, и даже больше: внушительных размеров кровать, закрытая шелковым пологом, книжные полки, сундук, в котором хранились одежды, столик с бронзовым зеркалом, украшенным резными цветами, массивный красный стол, выструганный из самой дорогой древесины. Но Го Бохай вечно сидел на полу или на земле, забывая обо всяких удобствах, — это была его очередная странная привычка, которую наследник охотно перенял еще в детстве, но мать быстро его от нее избавила.

Рассматривая новоотпечатанные и прибывшие с Востока книги — все части «Небес и небожителей», — он сосредоточенно распределял тома цвета небесной

цин¹ по какому-то понятному только ему порядку. Подобные занятия так затягивали наставника, что он часто забывал о прошлых делах. В точности, как сейчас: гребень, которым он хотел расчесать волосы так и остался лежать на полу. Все издания раскладывались на первый взгляд хаотично, сам же Го Бохай, задумчиво терзая губу, уже решил: именно в такой последовательности его ученик примется изучать новое. Звук внезапно отворившейся, как от сильного порыва ветра, двери застал его врасплох.

— Учитель!

Не спросив дозволения, У Чан ворвался в комнату, и поток слов обрушился на растерянного Го Бохая:

— Учитель, я прочитал... прочитал о чистилище! Почему вы сказали, что мне еще рано? С пристанищем душ связано много интересного! Например, два стража, которые охраняют его. — Охваченный восторгом, он пал перед наставником и гордо положил маленькую книгу на стопку томов. — Оба были созданы из чего-то единого, олицетворяют собой противоположные энергии инь и ян, но при этом сосуществуют в мире и гармонии! Ни боги, ни демоны не в силах на них повлиять.

Увлеченно рассказывая, У Чан похлопал рукой по стопке книг, которые в тот же миг рассыпались.

— У Чан! — отодвинув руку ученика, возмутился Го Бохай. — Ты ворвался ко мне в столь поздний час только ради этого? Ты не задумывался, вдруг наставник готовится ко сну? Не таким манерам я тебя учил...

Строгое замечание вернуло ученика на землю, заставив ощутить стыд, он отодвинулся назад и склонил голову, показав предательски покрасневшие уши.

Го Бохай был вынужден снова собирать тома в нужном порядке. Пребывая в молчании, он принялся за дело, и через время взгляд мужчины заметил замарашку, принесенную учеником.

---

¹ В Китае цвет цин ассоциируется с весной и востоком. Оттенки могут варьироваться от синего до зеленого и черного.

— Я же просил тебя не отвлекаться!

— Извините...

С протяжным вздохом отложив в сторону стопку книг, Го Бохай взялся ее листать — такой жест обрадовал У Чана, и, словно щенок, виляющий от счастья хвостом, он придвинулся обратно и принялся наблюдать.

То, что У Чан называл книгой, больше походило на десяток сшитых между собой страниц, вдобавок не отпечатанных, а написанных человеком мягкой руки: слова были неаккуратно на-карябаны. Чтобы разобрать их, нужно было внимательно всматриваться в каждую черту иероглифа, отчего глаза по-настоящему страдали. От такого наплевательского отношения автора «книги» к своей работе Го Бохай потерял весь интерес и желание знать, что там внутри. Однако мельком пробежавшись по символам, его охватило чувство, что он где-то их уже видел.

— Учитель... — своим окликом У Чан вырвал наставника из раздумий. — Там что-то неверно?

Го Бохай перевернул страницу, еще немного похмурился, расслабил губы и ответил:

— Да нет, как раз неплохо описано.

«Пожалуй, впервые...» — мысленно добавил он.

Кто бы мог подумать, что подобное столь обрадует ученика! Наследник вскочил с места и через мгновение уже держал холодную ладонь наставника в своих руках.

— Прошу, учитель, пойдемте со мной завтра на рынок... Я покажу вам много интересного и заодно узнаю у торговца книг о тех самых стражах. Вдруг у него еще что-то есть!

Говорить, что случилось с возмущенным наставником, нет смысла, ибо, как только он увидел сияющее лицо У Чана, его недовольство сразу же словно кануло в небытие. Продолжая смотреть в глаза воспитанника, что блестели от счастья, Го Бохай уже и позабыл, о каком именно рынке шла речь.

— Учитель пойдет? Скажите, что пойдет?

— Думаю, можно...

У Чан стиснул руку, которую все это время трепетно держал, отпустил ее и поспешно покинул комнату. Дверь быстро

закрылась, оставив наставника, пребывающего в забытьи, одного. Покинутая комната, но не покинутый дух... Чувство, что его кожи все еще касаются пальцы воспитанника, не покидало его, и, опустив взгляд на ладонь, Го Бохай подумал: «Неужели ты так быстро вырос?..»

Ранним утром за дверьми покоев господина Го раздался топот пары ног. Проснувшись от звуков суеты, но не придя в себя, он распахнул дверь и, уже намереваясь высказать свое недовольство, замер. Тот, кто появился перед ним, стер гримасу возмущения с его лица и бросился к нему, чуть не свалив на пол.

— Юэ! Нельзя! — раздался приказ.

У Чан примчался на выручку и попытался оттащить четырехлапного великана, еле обхватив того руками. Когда-то это был слабый и болезненный щенок, которого выхаживал Го Бохай. Теперь же волчица, если вскакивала на задние лапы, становилась ростом с человека. Го Бохай и представить не мог, что это утро у него будет таким... слюнявым.

— Юэ! Учитель, извините!

— Ничего...

Поглаживая скулящего зверя по длинной пушистой шерсти и слегка взъерошивая ее руками, наставник опустил передние лапы волчицы со своих плеч и начал приводить себя в порядок.

— Тебе не кажется, что ты рано засобирался, да еще и Юэ взял с собой?

У Чан улыбнулся.

— Учитель наверняка не желает, чтобы я прогулял занятия, долго бродя по рынку, поэтому я подумал, что, выйдя пораньше, после мы успеем к утреннему чтению трактатов. А Юэ была бы безмерно рада пройтись с вами, вы только посмотрите на ее счастливую мордашку!

Пустив в ход лезть, У Чан посчитал, что так наставник уж точно проникнется доверием к его словам. Но разве в этом

когда-то была нужда? И так было видно, что мужчина во всех вопросах на стороне своего воспитанника, что бы тот ни удумал. Удивляясь, Го Бохай выговорил:

— У Чан... я полагал, и так понятно, что занятий сегодня не будет...

Ученику даже не пришлось произносить вопросительное «что»: его растерянное и от того прелестное выражение лица само говорило за него. С того момента, как наследник прочел первую книгу, врученную ему наставником, занятия еще ни разу не отменялись. Изредка заканчивали раньше положенного, но такого, как сейчас, не было. Пожалуй, Го Бохай решил, что юный господин устал от его внимания, да и отдых никто не отменял. Но У Чан, не веря услышанному, столь сильно распереживался, что впервые позабыл спрятаться от взора пары прелестных серых глаз.

— Кхм... — неловко покашлял Го Бохай. — Найдите пока себе с Юэ занятие. Этому наставнику нужно время, чтобы собраться.

Он закончил свою речь быстро, словно не понимая, что еще добавить, захлопнул двери и оставил ученика наедине с питомицей и спутанными мыслями.

Единственной, кто смог оценить всю странность картины, была Юэ¹ — волчица, названная так из-за своего окраса. Она склонила голову, покрытую светло-серой шерстью, набок и продолжила следить за застывшим в смятении молодым господином.

Оказалось, что ждать этим двоим предстояло долго. Слоняясь по двору, ученик даже начал жалеть о том, что так рано вскочил. Достопочтенный господин Го был, возможно, единственным мужем в поместье У, кто имел пристрастие к разным видам одеяний. Никто точно не знал, сколько ему лет, однако на вид он был достаточно молод, а уж как обаятелен и красив... Находясь на самом пике цветущего периода мужской красоты, Го Бохаю было позволительно носить облачения

---

¹ Юэ [月] — «луна»; «лунный свет».

разных цветов и фасонов. Однако статус наставника все же вынуждал его быть поскромнее. Поэтому чаще всего Го Бохай покупал — даже если знал, что ни разу не наденет, — то, что ему нравилось. Падкий на ткани, он собирал не только самые утонченные и редкие рукотворные работы, но и непонимающие взгляды. У Чан каждый раз поражался, видя новые облачения мужчины, и, в отличие от криволицых сплетников и завистников, восхищался искренне и неподдельно.

Когда Го Бохай наконец вышел, ученику стало понятно, почему пришлось так долго ждать: белая рубашка с высоким воротом, широкий темный пояс, свободные рукава и халат на его теле были расшиты плывущими облаками. Работа неизвестной и умелой мастерицы переливалась на солнечном свете, а когда Го Бохай двигался, будто бы оживала. Казалось, ветер подует и рассеет клубившуюся пелену, из-за которой предстанут заснеженные вершины гор. Одевание нежно подчеркивало линии узких талии и плеч, но скрывало ото всех подтянутое постоянными тренировками тело. Го Бохай был прелестнее первого мазка живописца, от которого ахают зрители.

Поэтому, только увидев его, У Чан не удержался и промолвил:

— Учитель, вы... Ваши одежды в наивысшей мере очаровательны!

Однако подобные теплые слова Го Бохай всегда отвергал, кто бы это ни говорил, — ему было легче принять неодобрение, нежели услышать приятное:

— Не стоит, это мое самое обычное одеяние, привезенное с восточных земель Поднебесной.

Стоя рядом с молодым господином и волчицей, что с ликованием, виляя хвостом, реагировала на все его слова, он задал вопрос:

— Ученик подготовил лошадей?

Столица Тяньцзинь окружает гору Хэншань, на которой располагается резиденция клана У. Чтобы добраться до внутренних ворот города, достаточно сойти по горным ступеням

в самый вниз, однако наставник с учеником собирались на рынок. В Тяньцзине их было несколько, и все располагались в южной части города. Путь от поместья до ближайших южных ворот составлял час пешего хода или же двадцать минут езды на лошадях. Взяв их, У Чан и Го Бохай в скором времени ходили бы по рынку, однако ученик без капли сомнения в своем выборе промолвил:

— Я посчитал, что мы отправимся своим ходом...

— Что... — наставник сдержанно кашлянул в кулак.

Теперь, взвесив то, что сказал ранним утром У Чан, и то, что он говорил сейчас, Го Бохай выдохнул и понял: тот и не думал возвращаться к занятиям.

Спускаясь по каменным ступеням, они приблизились к территории, где стояли маленькие домики местных слуг и конюшня. Го Бохай с отчаянием взглянул на лошадей, что трапезничали свежим сеном, а затем посмотрел на идущего впереди юношу.

«Неужели и правда своим ходом...» — в глубине души наставник надеялся, что это всего лишь безобидная шутка ученика.

Го Бохай замедлился у конюшни в надежде, что молодой господин все-таки заметит его расстроенный вид. Наставника с горы Хэншань можно было назвать терпеливым человеком: монотонные занятия не могли вывести его из себя, как и шалости У Чана, вот только пешие прогулки все же доставляли ему неудобство. И была причина, по которой Го Бохай не мог жаловаться вслух об этом. В северных краях Поднебесной не приветствовалось и даже считалось дурным тоном показывать слабости брэнного тела: ни усталость, ни даже немочь. Это берет свое начало из некоего представления людей о бессмертных мужах, восседающих на Небесах, а точнее о трех драгоценных императорах: Яшмовом, Нефритовом и Жемчужном. Были и другие бессмертные величества, вознесшиеся после этой троицы, но только они — имеющие в своих руках безграничную силу, в мыслях — нескончаемый оптимизм, а в теле — дух, неподвластный никому, — стали примером

для подражания у смертных. Людям на Севере таким образом хотелось быть на шаг ближе к богам. И даже при том, что в обществе высокопоставленных господ или привилегированных чиновников такому, например, как Го Бохай, следует являть собой непоколебимый образец бессмертного, все всё же понимали — он человек, а не небожитель.

Остановившись у тропинки, У Чан взглянул на густые высокие кусты и со странной хитрецей в голосе задал вопрос:

— Учитель, скажите, хотите ли вы сократить путь? Или мы пойдем по известной всем тропе?

— Если есть возможность добраться до южных ворот рынка быстрее, этот наставник был бы невероятно рад, — не подозревая о возможных последствиях, ответил Го Бохай.

Желание наставника обойтись меньшим количеством шагов сыграло на руку воспитаннику. Более не взвешивая все за и против, он схватит Го Бохая за руку и нырнул в кусты, что росли у тропы, идущей вниз.

У Чан все время вел его за собой, отодвигая ветви на пути в сторону и приговаривая:

— Аккуратно, учитель! Тут смотрите под ноги... Ой, ветка слева!

И у того не было выбора — приходилось уворачиваться. Го Бохай и хотел бы возмутиться, но его от этого отвлекала Юэ, которая постоянно крутилась под ногами и мешала свободно шагнуть. Наконец, потеряв координацию, он оступился и уже готов был упасть, но на помощь подоспел У Чан, вовремя подставивший плечо.

— Учитель, вы в порядке?

Мысленно Го Бохай разразился гневом: «Да как с вами быть в порядке?! Один несется сломя голову, вторая так и норовит сбить с ног». Все еще негодуя про себя, он торопливо поправил одежду, как услышал:

— Пришли!

У Чан объявил это и отодвинул последнюю преграду из листьев. С небольшого уступа, на котором они сейчас стояли, Го Бохаю открылся вид на город.

Красоту Тяньцзинь можно было передать только словами из посвященной ему песни, что путешественники разносили по соседним землям: «Высокие дома — как величие нашего Севера, великолепные улицы — как ум главы, красивые дамы — как лицо местной госпожи, сильная стража — как небесные духи-покровители мира людей». Этот город был крупнейшим поставщиком оружия и доспехов. Среди его жителей были самые сильные и стойкие мужи, поистине не знавшие усталости, и от природы изысканные и прелестные, как нежные бутоны, красавицы, поэтому несложно было снискать такую славу у других территорий Поднебесной. Сюда съезжались все господа, желавшие обновить арсенал и найти невесту своему наследнику.

Центральный рынок Тяньцзинь.

У Чан вел наставника по большой рыночной площади, называемой Блаженным местом. Достопочтенные господа без дела размеренно гуляли здесь в поисках чего-то исключительного, румяные дамы, украшенные цветком на лбу или месяцем на скулах¹, примеряли шелка. По атмосфере это место больше походило на праздничный фестиваль.

Проходя мимо прилавков, можно было почувствовать тонкие ароматы сандалового масла, разносящегося от Дома духов; только взглянув на ткани — ощутить их мягкость и благород-

---

¹ В Древнем Китае в макияжах присутствовало несколько элементов, которые были связаны с легендарными красавицами разных эпох. *Цветок на лбу* отсылает к истории о неописуемо красивой принцессе Шоуян, к которой прилип лепесток. Бедняжке пришлось так и ходить, однако из-за этого на ее прелестное лицо стали еще больше обращать внимание. *Месяц на скулах* берет свое начало в сказании о наложнице Сюэ, которая поранилась, и шрам на ее скуле зажил в виде месяца. Несмотря на увечье, император стал любить ее сильнее, а придворные дамы принялись копировать ее особенность, но не оставляя увечий, а нанося соответствующий макияж.

ство; не желая быть ослепленным блеском стали, лишь посмотрев на оружие тонкой работы, что куют лучшие кузнецы города, — осознать, насколько оно остро.

Всё в Тяньцзине — от домов на простых улочках до лавочек и павильонов на площади рынка — говорило о богатстве, пришедшем в эти места с нынешним владыкой Севера, отцом У Чана. При виде сребровласого юноши все кланялись, выказывая свое глубочайшее уважение наследнику и будущему небожителю. Хотя он был еще крайне молод, к нему уже относились, как к высокопоставленному господину: кто, если не он, будет решать судьбу Севера?

Но У Чан так и не смог привыкнуть к их низким поклонам и лестным приветствиям, его угнетало излишнее внимание к своей персоне. Если бы его когда-либо спросили: «Кем хочет быть молодой господин?» — он наверняка ответил бы: «Призраком, невидимкой, не знаю, выберете сами...» И об этом хорошо знал его наставник.

— У Чан, тебе уже давно надо бы научиться скрывать свое недовольство... Достопочтенные господа могут воспринять это как оскорбление, — сказал Го Бохай и, подбадривая, похлопал его по спине. — Кто же потом будет ставить благовония для твоего величества и делать подношения?

На это У Чан без особого энтузиазма ответил:

— Как же скрывать недовольство этому ученику, когда он видит в их глазах только выгоду?! Рожденный под счастливым созвездием, избранный Небесами... Каждый из них только об этом и думает, оттого их напряженные улыбки и застыли.

— Отчасти ты прав, — улыбнулся Го Бохай. — Но они всего лишь дарят тебе приветствие. Не думай о том, какую цель они преследуют, в этом мире не все живут по написанным правилам. К тому же никогда не суди людей по их образу: тот, кто вызывает недоверие, может примчаться тебе на выручку, а тот, кто кажется достойным твоей открытости, — стать твоим поражением.

У Чан остановился, взглянул на наставника и усмехнулся.

— Учитель, не будь вы так молоды, я бы подумал, что вам сотни лет. Иногда вы говорите, как старец, живущий у водопада или на горе...

— Ха! — Го Бохай мягко щелкнул ученика по уху.

Разговоры про возраст всегда забавляли Го Бохая. Люди то и дело старались выведать, сколько ему лет, а кто-то даже утверждал, что он бессмертный или облаченный в упругое тело старец, который очистил свой разум в медитациях и вернулся в бренный мир передать свою мудрость юному ученику. Из-за своего молодого вида и рдеющих щек Го Бохай нередко становился объектом внимания и зависти. Ему ничего не оставалось, как научиться смеяться в ответ.

— Учитель!

Го Бохай обернулся на голос и увидел, как ученик склонился над прилавком. Тут же к нему подбежала пожилая дама.

— Ох-ох! Молодой господин У! Прошу, уважьте меня и угоститесь, — она ладонью указала на свой товар.

Прелестные, сочные и благоухающие фрукты украшали ее прилавок. Соблазнительные ароматы от ягод и нарезанных плодов смешались в один неопиcуемый запах, вызывавший у прохожих желание насладиться сладостью продаваемого.

Го Бохай покачал головой и сказал:

— Мы же не для этого пришли.

Но женщина быстро добавила:

— Не думайте о деньгах, для вас, господа, все бесплатно.

От услышанного Го Бохаю стало неловко:

— Что вы, тетушка, разве можно так? У Чан, чего бы ты хотел?

— Я? — Он немного замялся, но все же, не желая смущать наставника своей настойчивостью, добавил: — Если... Ну, если возможно, я бы утолил голод яблоком. Но только после вас...

Должное воспитание в наследнике проявлялось странным образом только при наставнике: никому У Чан не выказывал такого уважения, как ему. Даже госпожа У понимала по грубым и скомканным ответам сына, насколько он черств с ней,

но мягок с учителем. Настолько мягок, что нередко терялся в словах и краснел от своей нерешительности.

Го Бохай кивнул:

— Прошу, тогда выбери и мне...

Но в ту же секунду и женщина обратилась к наследнику:

— Возможно, молодой господин хочет испробовать что-то необычное для наших краев, а? Только недавно пришел груз.

Женщина выложила на прилавок то, о чем говорила, и Го Бохай удивленно протянул:

— Персики?! — Он прямо-таки засветился от изумления.

Бурные восклицания в отношении этого фрукта были привычны для продавцов: здесь, в северной части Поднебесной, плоды персикового дерева погибали, не успевая созреть. Для У Чана реакция наставника была новой и совершенно незнакомой. Никогда еще Го Бохай не был так неопишимо рад чему-либо: блеск его глаз и предвкушающая улыбка были не сравнимы ни с чем на свете.

Тетушка взяла круглый плод, нарезала его на ломтики и, протянув поднос к У Чану, с гордостью произнесла:

— Вот, молодой господин!

Однако он отказался. Оранжево-розовые мягкие дольки ни капли не привлекали наследника. Заинтересованный взгляд наставника — то единственное, что по-настоящему увлекло его. Недолго раздумывая, У Чан подвинул поднос к Го Бохаю.

— Попробуйте, учитель!

У Чан смотрел на него, словно тот впервые будет пробовать экзотический плод, а наставника и уговаривать не пришлось. Он медленно, растягивая каждое мгновение, взял дольку и спрятал ее за пухлыми губами. Наследник пристально следил за каждой его эмоцией, боясь упустить момент. И все ради одного мига, который превзошел все ожидания У Чана. Го Бохай воскликнул:

— А-а-ах... Вкус бесподобный! — Под восторженное заключение он притронулся к губам и продолжил: — Какие сладкие! От такого и умереть не жалко!

И правда не жалко: свет, озаряющий его лицо, для У Чана стал ярче блеска местных богатств, а необыкновенное счастье наполнило его сердце.

— Тетушка! — изумился У Чан. — Нам все персики, что есть у вас!

— Но... — не успела она возразить, как на прилавок из мешочка посыпались монеты.

— Этого достаточно? — решительно спросил он.

— Зачем же так много? — удивляясь, поинтересовался Го Бохай.

— Действительно, молодой господин У, у меня тут их полная корзинка, не много ли... — женщину словно что-то смутило, и она покосилась на Го Бохая.

— Все!

Юноша был непоколебим, даже слова наставника он пропускал мимо ушей:

— У Чан, прошу, образумься!

Но ученик повернулся к нему и заявил:

— Если эти фрукты дарят учителю радость, я не могу не купить их все! Даже когда они закончатся, я буду каждый день их покупать!

Го Бохай прекрасно осознавал — это наводнение никак не остановить, можно только смиренно плыть по его течению. Вздохнув, он кивнул тетушке.

Наследник схватил корзину, как самое драгоценное, что есть на свете, и, отказавшись от помощи, понес ее сам. Наполненная доверху персиками, она так и норовила освободиться от них. Еще и волчица крутилась под ногами. Го Бохай наблюдал за всем этим, но ничего не мог поделать. В мыслях только и крутилось, какой У Чан временами упертый.

— Учитель!

— М-м-м?

— Почему вы раньше не говорили об этом? — остановившись, спросил У Чан. — О том, что любите персики...

Это было действительно странно: всем вокруг казалось, что единственная страсть Го Бохая — это чтение старых записок.

ных книг, но, даже зная это, никто ни разу не замечал, чтобы они вызывали у него такие эмоции. Можно сказать, это был первый раз, когда наставник проявил слабость к чему-либо, кроме своего ученика.

— Не знаю... — Го Бохай продолжал идти вперед. — Прибыв на Север, я сразу смирился с мыслью, что ничего из того, что было в моих краях, я здесь не встречу. Но всё же замечу: это никакой не экзотический фрукт, — гордо заявил он. — Да, он сладок и неповторим, но не сравним с плодами восточного персика! Тот сорт намного слаще и приятнее.

Го Бохай мало что рассказывал о себе и своей жизни до прибытия на гору Хэншань. Он каждый раз уклонялся от расспросов невежд и лишь приговаривал: «Что вы, уважаемый, это очень скучная история, как бы вы не заскучали, слушая ее» — и эта тактика срабатывала со всеми, кроме воспитанника. Тот был куда настойчивее.

Пока У Чану еще было мало лет и учеба его слабо интересовала, Го Бохай развлекал мальчика рассказами. Обычно это были какие-то истории из его детства или присказки. Так, он однажды рассказал о весенних дождях и удивительной встрече. Люди часто связывали природные явления с божественными знаками. Так и здесь: дождь начинался в начале весны, встречая ее туманными облаками, словно смывая все плохие поступки смертных. Эта история была распространена на Юге, откуда прибыл Го Бохай, и у каждого рассказывающего звучала по-разному. По версии наставника, когда бог дождей и гроз был чем-то сильно разгневан, он покрыл всю Поднебесную наводнениями, чем вызывал у людей неподдельный ужас. Но не все винили его за содеянное. Среди смертных были и те, кто понимал: это результат не злобы, а... страданий. Ведь в этот день бог оплакивал павшего приятеля. Кто смел бы призвать его к смирению, когда в Поднебесной также гибли близкие?

Тогда в надежде отделаться от расспросов наследника Го Бохай утолил его жажду, рассказав У Чану о страданиях Поднебесной из-за эгоистичного бога. Вышло довольно забавно: скушающий от присказок мальчик загорелся интересом, вновь

и вновь упрасивая наставника рассказать эту историю. В какой-то момент она даже приелась Го Бохаю. И не замечая того, он рассказывал ее уже с новыми деталями, вспоминал песни об этом боге и о том, что изначально замысел рассказа был в усмирении непослушных детей, чтобы те сидели дома в проливные весенние дожди.

У Чан быстро шагал вперед. Затем вдруг остановился и сказал:

— Учитель! Тогда я найду способ привезти вам персики с Востока, или не быть мне наследником клана У и будущим богом!

«Неужели ты и правда начинаешь взрослеть?» — пробежала мысль в голове наставника. Ученик, ранее не желавший следовать заветам отца и матери, заговорил о родстве с ними и о своем будущем титуле, вызывая у наставника радостное удивление.

Они продолжили путь в сторону блошиного рынка, где ученик покупал странные книги, как вдруг У Чан вновь остановился.

— Я обещал учителю рассказывать, если что-то случается. Но что, если... есть один человек, чье тело я желаю покрыть синяками? Это бы сильно расстроило учителя?

Конечно сильно! Го Бохай был одним из самых рассудительных господ при дворе клана. Любой обидчик был очищен его прощением и окрещен словами: «Я знаю, вы не со зла. Так получилось, такие обстоятельства...» И все же он не мог сказать воспитаннику, насколько не одобряет его побуждения, так как это было первое подобное признание У Чана. Сотворив что-либо в детстве, наследник или начинал кричать на всех со словами «Это не я!», или, молча склонив голову, выжидал окончания словесной порки и признавал, как виноват, но никогда не озвучивал вслух свои помыслы, особенно такие жестокие.

Наставник в немой попытке узнать, что у того в голове, заглянул в глаза У Чана и увидел в них кипящий гнев и отражение человека, которому У Чан желал страшной участи. Го Бо-

хай поднял голову и посмотрел в сторону, куда был направлен взгляд У Чана: то была небольшая толпа юношей и девушек и пара наследников других богатых домов Севера. Последние в сопровождении своих родителей часто навещали в дом правящего клана У — то за советом и просьбой, то передать жалобы народа на того самого хулигана, живущего в этих стенах. Эти двое были не обычными молодыми господами, как и У Чан.

Го Бохай поймал их взгляды на себе. Один юноша, что называл себя «будущим словом народа», был невысок и непривлекателен, он восполнял свои недостатки шелками и обществом наследников достопочтенных господ, его именовали Цюань Миншэн. Второй — красивее и выше первого, но воспитан был отвратительно: его гордыня и тщеславие, вызванные богатством семьи, совсем затуманили разум юноши, отчего он часто любил говорить: «Я стану богом войны, и смотрите мне, не жалейте благовоний!» Это был сын начальника округа Цзыю — Бань Лоу. Ненависть к двум молодым господам питали даже слуги семейства У, что попадали под их угрозы и нападки: «Неужели тебя не учили идти в тени облика этого господина!», «Это что, чай? Это вода с землей, ты меня отравить вздумал?!» И если у Бань Лоу был затуманенный рассудок от роскоши и власти, то Цюань Миншэн был просто дурачком, повторяющим все за первым и не пытающимся думать сам.

Для клана У дома Бань и Цюань играли важную стратегическую роль: контролируя немалое войско Севера, эти два семейства поддерживали правящего главу. С учетом только недавно остывших полей битв шанс, что кто-нибудь вновь поднимет бунт в попытках раздела территорий, был, а значит, союзников нужно держать близко. Поэтому никто, кроме родителей, не мог делать замечания избалованным господам, дабы не учинять конфликты.

Ненависть У Чана к этим двоим читалась в самом его взгляде и словно изливалась из глубин его сердца: «Убью!» — кричало бы оно, если бы могло. Один персик выпал из корзины

на землю, но не успел наследник его подобрать и положить на место, как перед ним уже стояли Бань Лоу и Цюань Миншэн.

— Это же сам молодой господин У! Прощу меня извинить, этот достопочтенный не признал вас в образе слуги, несущего корзину фруктов!

Соблюдая все правила светской беседы, Бань Лоу не смог сдержать свой острый язык и поэтому проявил инициативу поприветствовать наследника Севера. Го Бохай еще не понимал намерений подошедших, но уже полностью отдавал себе отчет: У Чан должен ответить, иначе жалобы на его голову посыпятся вновь. Потому мужчина, будто невзначай, пнул остолбеневшего в ногу. У Чан, словно проснувшийся от кошмарного сна, вздрогнул и прошипел:

— Приветствую юных господ... — но его дерзкая натура не позволила так просто закрыть глаза на оскорбление, и он добавил: — Скучную же жизнь проживают уважаемые господа, раз средь бела дня повстречались мне в таком месте. Родные лишили вас денег и теперь вы ищете, где бы подзаработать?

天狗

ГЛАВА 4

ЧАСТЬ 2

НЕЖЕЛАННАЯ ВСТРЕЧА

Головы этих двоих могли выдумывать только обидные выражения, но для того, чтобы ловко ответить У Чану, им не хватило прыткости — насколько они были богаты, настолько и глупы. Не найдя, что сказать в ответ, они бросили оскорбленные взгляды на Го Бохая и, объединившись в своем негодовании, завалили его репликами:

— Вы же наставник, а как-то плохо его воспитали!

— Да за такое поведение учитель меня по спине высек бы! Без сомнений!

Уважения к старшим у них также не было. Го Бохай понимал, что две бешеные кошки пытаются залезть к нему на шею. Но будто бы он не попадал в подобные ситуации? Лучше всего будет позволить им высказаться и не пытаться вступать в беседу. Го Бохаю хватило бы и ума, и рассудительности плавно повернуть все вспять, но зачем на это тратить свои силы? Особенно

когда лягушка на дне колодца так громко квакает¹. «Не говори, если это не изменит тишину к лучшему», — подумал он и сам последовал этому совету, спрятав ладони за спину.

Бань Лоу, наслаждаясь полученным преимуществом, продолжил изливать свою обиду:

— Молодой господин У, признайтесь, что с детства мне завидуете. Вы не единственный, кто на Севере готовится к вознесению, вот и раздражаетесь на меня всякий раз, не так ли? Незавидное положение, в которое я попал. Я бы не стал докладывать отцу о происшествии на западной площади, когда у меня украли все деньги, но... имел ли я право отступить, зная, что за этим стоите вы, наследник клана У?

Услышав это, У Чан дернулся, шагнул в наступление, словно действительно намереваясь ударить юношу, однако все же остановился — ладонь, сложенная в кулак за спиной наставника, распрямилась, и это был приказ временно отступить. Стоявший плечом к плечу с У Чаном Го Бохай был уверен, что воспитанник все поймет. Ему пришлось нарушить молчание:

— Отчего же сын начальника округа так решил? Нужно быть твердо уверенным в подобных обвинениях.

Ошарашенный вполне простым вопросом, Бань Лоу сдал позиции, уступив своему компаньону. Цюань Миншэн продолжил:

— Как с чего? Он же постоянно таскается на блошинный рынок, его там уже как за родного принимают, несложно догадаться, что это он подстроил!

— Подожди, — схватил его за рукав Бань Лоу. — Ты несешь околесицу.

Го Бохай слушал каждое их слово, но его взгляд заострился на первом юноше. Тот явно поддался небольшой панике после вопроса: об этом говорили отведенный взгляд и напряженные брови.

Го Бохай задал второй уточняющий вопрос:

---

¹ Китайская идиома «лягушка на дне колодца» описывает человека, который обладает ограниченными знаниями о мире.

— Молодой господин Бань Лоу, можете ли вы описать обстоятельства, при которых вы остались без денег по вине моего ученика?

Настрой Бань Лоу изменился сильнее: нападавший тигренок сам загнал себя в тупик. А затмивший своей аурой спокойствия пылкий характер воспитанника Го Бохай приподнял бровь.

Цюань Миншэн решил снова вступить в диалог:

— Разве господин Бань обязан отвечать на подобные вопросы? Он все доложил начальнику округа и уж точно не стал бы врать о том, что видел!

Го Бохай задал третий уточняющий вопрос:

— Значит, вы видели молодого господина У? Раз вы видели, то я не стану вас более задерживать. Вот только скажите, сколько вы потеряли тогда? Моя обязанность исправить проступок ученика.

В ответ последовали молчание и недовольный взгляд. Мужчина запустил руку за пояс и достал небольшой денежный мешочек. Медленно потягивая за плетеную веревку, что отвечала за сохранение содержимого, под ошарашенные взгляды троих юношей Го Бохай начал вынимать монеты.

— Уважаемый господин Бань, — обратился он, — прошу, протяните ладонь.

Непонимающий Бань Лоу послушно сделал, как его попросили, и в его руку легла одна монета, выкованная из серебра. Их взгляды моментально встретились, и юноша узрел скользящий его холод в безразличных серых глазах. Не отводя взор, наставник вновь опустил свою руку в мешочек и двумя пальцами достал еще.

— Возможно, это загладит вину? — проговорил он, складывая монеты одна на одну.

Три, пять, семь, восемь — стопка росла, приобретая вес, и начала трястись в молодой руке. Но что так могло напугать Бань Лоу? Деньги? Немыслимо! Он и не такие горы монет видел. Возможно, их вес как-то давил на его совесть. Не обращая внимания на У Чана, что краснел от злости, Го Бохай достал еще одну монету.

— Девять? — удивился он. — Неужели так много? Извините, но до меня доходили слухи, что ставки в игорных домах заканчиваются на восьми серебряных монетах...

Слова Го Бохая ударом молнии прошли по юноше с протянутой рукой, да так, что его лицо моментально побледнело, а на лбу проступили капельки пота. Бань Лоу дернулся и шагнул назад, но ладонь наставника сжала вложенные монеты и подтянула руку обратно. Словно змей, удерживающий свою добычу, не отпуская и наблюдая за каждым движением ее лица, Го Бохай хладнокровно обронил:

— Уважаемый Бань Лоу, признайтесь честно... сколько вы потратили тогда? Разве правильно говорить, что деньги у вас отняли?

Юноша под натиском руки, тянущей вперед, вздрогнул, когда его кисть сдавили сильнее. Бань Лоу смотрел на свою ладонь, на холодный взгляд, адресованный ему, и снова на руку, предпринимая попытки вырваться.

Цюань Миншэн, не придумав ничего лучше, схватил приятеля за плечо и торопливо воскликнул:

— Нам пора!

И под этот испуганный голос рука Го Бохая разжалась. Вырвавшись, оба юноши торопливо, как мышки, скрылись среди гуляющих господ.

У Чан более не мог сдерживать возмущения:

— Зачем вы отдали им свои деньги? Ведь я им ничего не должен!

Продолжая вести себя как ни в чем не бывало, Го Бохай затащил узелок на мешочке, повернулся и ответил с улыбкой:

— Что ж, эти монеты останутся им на память, а ложь никогда не бывает постоянной.

У Чан никогда не понимал подобных выражений, наполненных глубокой мудростью наставника. То «шагая вперед, не забывай поглядывать назад», то «то, что кажется легким, приобретая, становится неподъемным», то «береги память предков, как бережешь свои пальцы» — их было много озвучено за не целое десятилетие, и пока что лишь одну фразу

У Чан смог по-своему усвоить: «Не говори, если это не изменит тишину к лучшему». Наследнику и так в семье мало разрешали озвучивать свои мысли и желания, отчего он злился, однако с этим выражением ему молчание казалось здоровым и даже необходимым выходом из многих ситуаций. Но, даже доверяясь полностью наставнику, У Чан никак не мог понять: «Как монеты могут проучить Бань Лоу?»

Все еще сверля недовольным взглядом толпу, в которой растворились два неприятных собеседника, У Чан добавил:

— Все же не стоило... — в глубине души он знал, что поступил бы иначе, и это только сильнее злило его. — Этот ученик теперь чувствует себя должным вернуть потерянные деньги учителя.

Го Бохай усмехнулся и положил руку на голову удрученного.

— Зачем же, — успокаивающе заговорил он, — этот молодой господин купил сегодня столько фруктов, что должным останусь только я. Давай скорее передадим их в поместье и отправимся за тем, что изначально хотели купить?

Как и во многих городах, в Тяньцзине за большой торговой площадью раскинулся черный рынок, прозванный блошиным. Найти здесь можно было что угодно, если знать, кого спросить и где искать. И той красотой, о которой рассказывали славные тяньцзиньские песни, это место не блистало. Продавая и покупая запретные или редкие вещи и скрывая свою личность, продавцы и покупатели считали, что тот шик и блеск, характерные для Блаженного места, здесь просто неуместны. Каждый, заходя сюда, хотел побыстрее приобрести то, что ему надо, и уйти, пока его лица не заметили.

Все пришедшие прятались под плащами, вооружение же, наоборот, несли в руках. Проходя мимо одной настороженной парочки, Го Бохай преисполнялся возмущением: уж слишком опасно это место. Покупатели настолько пеклись о сокрытии своей личности, что даже лоскутка одеяний из-под длинного плаща не проглядывало. Их тканевые подола волочились по грязи, а сама дорога, неубранная и нерасчищенная, выглядела

хуже помойки, куда с центральной площади Тяньцзинь ежедневно сбрасывали остатки еды. Го Бохай бывал в городе, и не раз, но никогда не думал, что чуть поодаль находится столь неприятное место.

«У Чан, и как часто ты здесь бываешь?»

Улицы блошиного рынка отличались от знакомых ему улиц центра Севера: тут все куда-то спешили, толкая друг друга, а обочины были усеяны бедным людом из соседних районов.

У Чан, заметив толпу из просящих, которые, как всегда, преграждали путь пешеходам, повернул за угол. Вместе с наставником он прошмыгнул через узкий проход между домами, однако только сейчас обратил внимание на потускневшее лицо идущего рядом.

— Учитель... прошу, не злитесь, — встревоженно заговорил он. — Этот ученик заранее не подумал. Все же не стоило вести вас сюда...

— У Чан... — Го Бохай хотел было что-то сказать, вот только пробившийся затхлый запах остановил его.

— Все же это была плохая идея... Давайте вернемся! — У Чан потянул наставника обратно, но тот не поддался.

Размеренно вдыхая ароматы лаванды и льна, исходящие от рукава, и найдя в себе силы, Го Бохай промолвил:

— У Чан, давай купим ту... — еще один вдох, — ту книгу и уйдем, хорошо?

Не зная, как быть, и продолжая сомневаться в правильности своего поступка, У Чан отпустил руку наставника и молча как можно быстрее пошел в сторону прилавка. С каждым шагом косые взгляды все больше приковывались к молодому господину и заставляли его чувствовать себя неловко. Когда он приходил сюда раньше, такое чувство его не посещало. Что же изменилось за последний месяц его наказания? Продвигаясь вперед и чувствуя, как глаза каждого встречного оценивают его, словно кусок мяса, он не выдержал и выругался про себя.

Терпеть их наглость больше не было сил. Словно удар молота о наковальню, нога У Чана топнула о землю, и он резко повернулся к толпе, что провожала его своим взором. Удив-

лению юного господина не было предела: все смотрели не на него, а на человека в белых одеяниях, который шел за ним.

Го Бохай был единственным чистым кусочком неба среди черных, быстро передвигающихся туч. Несложно понять, что те, кто скрывался от других, были сильно удивлены такому храброму и глупому поступку: открыто заявиться сюда, не пряча своего лица, да и еще облачиться в белые одеяния, которые моментально приковывали взгляды публики.

Желая спасти растерянного учителя, У Чан подхватил его под руку и, прорываясь через толпу, повел вперед.

На бросании косых взглядов толпа не остановилась — распахивая невежд, наставник и его воспитанник мчались вперед, слыша удивленные охи за спиной. Юэ, что пыталась не упустить хозяина из виду, бежала за ними.

Вся эта картина закончилась тут, перед небольшим прилавком, усыпанным книгами и разными защитными талисманами. Как только У Чан подбежал к нему, продавец сразу же радостно обратился:

— О-о-о, молодой господин У! Давно вы не заглядывали к нам, этот скромный уже начал переживать, не случилось ли что с вами.

Средних лет мужчина, отличающийся лишь тем, что не старался скрыть своего высушенного годами лица, улыбочиво поприветствовал наследника. Не смог скрыть он удивления и при виде второго человека. Переведя взгляд на белоснежную фигуру, он добавил:

— Приветствую и вас, достопочтенный Го Бохай, — склоняя голову в знак уважения, незнакомый наставнику продавец произнес его имя, чем поразил обоих пришедших.

— Откуда... — тихо пытался поинтересоваться Го Бохай через рукав, но был перебит учеником.

— Уважаемый, мы торопимся! Не могли бы вы продать мне хоть какую-нибудь литературу, где было бы сказано о стражах чистилища?!

— К вашему счастью, у этого продавца имеются такие книги.

Человек в старых, но ухоженных одеяниях протянул тонкую рукописную книгу. Он улыбнулся, когда юный господин заметил ее.

— Слава Небесам! — благодарно воскликнул У Чан и протянул руку.

Го Бохай не мог позволить ученику купить книгу, не проверив ее лично, и тут же, опередив У Чана, перехватил ее. Мужчина за прилавком испугался резкого движения, отшатнулся в сторону, но все же передал книжицу в белую ладонь. На мгновение, которого хватило Го Бохаю, на руке продавца показался символ. Возможно, когда-то он был рыбаком дальнего плавания — люди этой профессии нередко наносили на кожу разные изображения на удачу. Но все же, когда наставник ее заметил, то посмотрел на реакцию продавца: мужчина в лохмотьях так же улыбался.

Прикрывая рукавом рот, Го Бохай сдавленно произнес:

— У Чан, я должен ее прочесть, прежде чем мы ее купим!

— Хорошо!

— А пока я буду читать, сделай кое-что для меня.

— Хорошо!

Го Бохай напоследок посмотрел в сторону улыбчивого продавца, повернулся к ученику и огласил просьбу:

— Найди, чем учитель мог бы утолить жажду.

Просьба была весьма обычная. Однако не проще было бы вернуться в родное поместье? Или на южную площадь города, где было не счесть количества павильонов, готовых утолить жажду любого господина? Не поразмыслив над этим как следует, У Чан растерянно кивнул в третий раз и ринулся искать, оставив наставника с волчицей и продавцом.

Взяв книгу обеими руками, Го Бохай поинтересовался:

— Откуда же этот продавец может меня знать?

— Ну как же, все знают уважаемого наставника с горы Хэншань! Сильнейшего и мудрейшего после главенствующего господина, владыки Севера! — ответил незнакомец.

Неожиданно Юэ оскалилась и зарычала.

Бабах! — возле прилавка раздался грохот.

Го Бохай, воспользовавшись шансом, схватил руку отвлекшегося на волчицу продавца, потянул ее на себя и пригвоздил к прилавку. Приподняв своими пальцами лоскут одеяний мужчины, наставник увидел под ними необычный символ: черный глаз с пустотой внутри и солнечными полосами вокруг. Отметка темных богов, демонов, ни с одним другим подобное не спутать. Го Бохай подтянул продавца поближе и, не прикрывая рукавом свое лицо, спросил:

— Что именно ты продаешь моему ученику?

К удивлению наставника, мужчина за прилавком слегка улыбнулся и ответил:

— Я не понимаю, о чем говорит этот господин.

Даже при том, что его взгляд, направленный на хладнокровное лицо Го Бохая, был уверенным, тело говорило об обратном: как только продавец сблизился с наставником, он тут же принялся выдергивать руку, сохраняя натянутую улыбку.

— Уважаемый Го Бохай, — нервно залепетал подозрительный тип, — не стоит поднимать суматоху, вы так людей привлечете...

И завидев, как и без того следящая за каждым его шагом толпа начала пристальнее приглядываться, Го Бохай поумерил свой пыл. Он продолжал смотреть на продавца, сжимая его руку сильнее. Этот символ принадлежал культуре демонов! Поэтому отпустить его просто так Го Бохай не мог. Но и спросить что-либо еще было невозможно, уж слишком странным было то, что толпу, пропитанную равнодушием, вдруг взбудоражил мелкий конфликт наставника с продавцом.

Интерес смертных к Небесам и их противоположности, миру демонов, с каждым годом необъяснимо рос: то писатель, что ранее сочинял прекрасные поэмы живущим наверху, вдруг восхваляет демонов в своих работах, то семейство почтенных господ оккультно начинает верить в одного из темных богов. Поэтому появление необычных культов и последователей среди местных не удивило бы наставника. Но этот символ был, пожалуй, самым страшным знаменем из всех.

Глаз означал, что демоны следят за смертными, пустой значок говорил о месте, где миры людей и демонов соприкасаются, а лучи — о свете, который нечестивцы несут смертным. Впутывая простых людей в свои авантюры, последователи культов медленно, но верно перетягивают молитвы смертных, посвященные небожителям, на сторону демонов. Зачастую это люди, что отработывали свой долг за исполненную демонами помощь. Но за всю жизнь Го Бохай слышал лишь о нескольких смертных, что изменили себе, душе и богам, выбрав грязную службу. Ему и в голову не приходило, что когда-либо один из таких окажется в круту У Чана. Возможно ли, что демоны к чему-то готовятся?

Го Бохай, застыв перед прилавком, размышлял, что он может предпринять, находясь в незнакомом месте среди обезличенной толпы.

— Сколько вас здесь? — проговорил он.

Продавец все так же глупо и нелепо продолжал препираться, укрепляя в наставнике опасения. Ощущение, что сейчас все пойдет не так, как надо, не покидало Го Бохая, и он уже готовился к любому исходу. Даже по Юэ было видно: волчица на пределе своего недовольства. Любое неверное движение со стороны продавца, и она...

— Учитель! — окликнул звонкий голос

Го Бохай бросил взгляд на окружающую его толпу, и из нее выбежал У Чан. Юноша, несясь и распахивая преграды на своем пути, остановился рядом в попытке отдышаться.

Го Бохай уже успел неведь что подумать. Воспитанник выглядел так, словно от кого-то бежал. Взъерошенный и взмокший, он попытался сделать глоток свежего воздуха, прежде чем начать говорить:

— Учитель! Я... я не нашел то, что вы просили!

— О Небеса!

У Чан посмотрел на хмурого наставника, а после бросил взгляд на его руку, из-за чего Го Бохай сразу вспомнил: «Торговец!» Он повернул голову к продавцу, которого уже не оказалось за прилавком! Го Бохай обнаружил, что теперь сжимает ту самую тонкую книжку о стражах чистилища.

Человек за прилавком испарился, словно его никогда не существовало. Наставник повернулся к воспитаннику и приказал:

— Уходим!

В попытках поспеть, У Чан оказался у центральных ворот города и даже не успел понять, что произошло. Го Бохай вложил книгу в пасть Юэ и теперь отдал приказ ей: «Быстро!» Волчице более и не требовалась: когда рука мужчины указала в сторону горы Хэншань, она незамедлительно сорвалась с места. После Го Бохай поспешно схватил ученика за плечо и, натянув ворот его одеяний, потащил за собой.

— Учитель?

Таким взволнованным и противоречивым У Чан видел его впервые: Го Бохай метался от одной улицы к другой, вздрагивал при виде толпы горожан, пятился назад и немедленно менял свой путь.

— Учитель, — аккуратно заговорил У Чан, — этот ученик сделал что-то не так?

Прекратив наконец теряться в окружении, Го Бохай опешил. Он старался так быстро покинуть блошиный рынок и людей в плащах, что не заметил, как впопыхах его рука ухватила воспитанника за ворот, а У Чан покорно так и волочился за ним. Остыв и пребывая в неопишемом страхе от самого себя, Го Бохай отпустил одеяния, плененные его рукой, поправил их и произнес:

— Все в порядке, ты ни в чем не провинился.

— Тогда отчего учитель так встревожен?

Темные глаза взглянули на Го Бохая, и тот осознал, как нелепо только что выглядел, дав своему воспитаннику повод для переживаний. Ко всему прочему Го Бохай не знал, как объяснить свое переживание: продавец книг в одно мгновение исчез, что подтверждало связь с культом демонов. Значит, его точно нельзя назвать обычным смертным, он — последователь нечестивого пути! Кем он еще мог быть, если на руке был символ темных богов?

«Демон», — пробежала догадка в голове наставника, вызвав холодок на затылке.

И в эту же секунду Го Бохай осознал, насколько он прав. Смертные часто приписывали демонам сверхсилу, коварство, умение проникать в разум или сны беззащитных и даже подчинять стихии, как бессмертный повелитель энергии ян — небожитель. Считается, что только верхушка темных божеств, достигнув высокого уровня сил и известности среди себе подобных, развивает в себе определенную способность, и какую именно — никто предугадать не может.

Даже если спросить самого мудрого из бессмертных: «Объясните: один демон всю свою тленную жизнь пожирал души смертных и был жадным, а второй отличался от первого лишь своей завистливостью. Обе эти черты одинаково пагубны, так почему один стал настолько никчемным, что гниет среди мелкой нечисти, а другого молятся не встретить на своем пути? И если убрать их гордыню, заставляющую быть завистливыми и жадными, то что тогда для них поменяется?» — то он не сможет ответить. Всё в том мире, который все знали как царство демонов, подвержено хаосу и неопределенности.

Прошло много столетий с момента зарождения тьмы, скрытой на окраине Поднебесной, и за это время среди хаоса родилось огромное количество условий, определяющих, станет ли демон низшим существом, прислужником одного хозяина, а то и нескольких сразу, или тем, чье имя заставит понервничать даже самых спокойных небожителей. Но этого никто не в силах предугадать, как бы умен и просветлен он ни был.

Даже Верховный совет изрядно попотел, разбираясь в завалах небесного хранилища в поисках истины. Но то, что известно наверняка: символ последователей культа демонов носят только смертные, как знак своего служения.

Поразмыслив, Го Бохай перевел дух и осознал: тот человек за прилавком так ничего и не выкинул, а значит, в действительности был никем. Следовательно — переживания наставника и выеденного яйца не стоят. Как говорится, хозяин без дома — дворняга, а дом без хозяина — сарай. Так и тут — этот

последователь без своего хозяина не представлял особой опасности ни для Го Бохая, ни для У Чана.

Посчитав ненужным рассказывать все, Го Бохай вздохнул и с мягкой улыбкой промолвил:

— Этот наставник более не мог там находиться, для меня это было слишком. Извини.

Лицо У Чана вновь налилось красками. Чувствуя ответственность за случившееся, он наклонил голову и добавил:

— Вам было достаточно еще тогда мне сказать, что вам тяжело... Плохая была идея.

И хотя Го Бохай отделался от страха преследования, опасение, что тот продавец ждал не кого-то другого, а именно У Чана, не покидало его мыслей.

— Учитель! — У Чан снова вырвал наставника из раздумий. — Фрукты уже, наверное, доставили к подножию Хэншань. Давайте и мы не будем задерживаться?

В попытке изобразить на своем лице спокойствие Го Бохай мягко произнес:

— И то верно... — Но сам всеми силами пытался вспомнить: «Какие фрукты?»

天狗

ГЛАВА 5

ЮНЫЙ ГОСПОДИН ОЧЕНЬ РАД

У главных ворот поместья, к которым вела длинная каменная лестница, встревоженно носилась Юэ. Волчица металась из стороны в сторону в ожидании двух фигур. Вновь и вновь она смотрела на силуэты людей, проходящих мимо, и расстроено ложилась на землю, подмяв лапки под себя, когда понимала, что это не хозяин и его наставник.

Перехватив корзину из рук слуги, У Чан пожелал лично ее донести. Сколько шагов, а сколько ступеней! Но упрямый ученик и слушать не хотел о помощи.

— Учитель! Слуги всё только растеряют по дороге, а вам не стоит нести такую тяжесть. Позвольте, мне это не составит особого труда!

Поднимаясь по ступеням, мужчина видел, что корзина нелегкая, но найти в себе силы вырвать ее из рук и тем самым подставить юного господина не мог — это ведь только подчеркнет слабость наслед-

ника Севера. Муки выбора Го Бохая никак не помогли У Чану: с каждым шагом вверх в корзину с фруктами будто подкладывали камни.

Осталось лишь пару десятков шагов, и путники будут на месте, как вдруг вприпрыжку и со счастливым скулением к ним сбегала волчица. Лая от восторга и путаясь под ногами, она прыгнула на наставника и повалила его на рядом идущего ученика.

У Чан и так еле ноги волочил, а этот удар вовсе подкосил его, и, не доведя до следующей ступени ногу, он оступился. Всё сжалось внутри, когда он почувствовал под собой пропасть. Спасать себя или корзину, что тянет его вниз? Сжалившись над драгоценным даром, У Чан прижал его обеими руками, зажмурился и приготовился упасть вниз, как к нему пришло осознание: он держится на месте. В недоумении наследник открыл глаза: почему он не упал вниз, когда нога ни на что не опиралась? И, не ожидая того, У Чан встретил перед собой лицо учителя.

Заранее зная, что так может случиться, Го Бохай вовремя спохватился и, одной рукой удерживая юного господина за ворот, а второй держа край корзины, продемонстрировал свою быструю реакцию. Оба словно зависли в воздухе, и если не думать о спустившемся с небес чуде, то можно заметить — обоих от падения удерживает грациозно выставленная на ступень ниже нога наставника.

Боевые искусства Го Бохая, которым он обучался, не базировались на равновесии, и оттого охваченный восторгом У Чан замер, хлопая ресницами.

— У Чан, — немного сдавленно произнес Го Бохай, — если ты и дальше продолжишь так висеть у меня на руке, Юэ нас обоих уронит.

Выйдя из замешательства, юноша сделал шаг вперед, оперевшись на ноги. Всё его нутро вздрогнуло, когда он повернул голову назад и увидел, сколько ему пришлось бы лететь вниз, если бы не подоспевший наставник. От осознания этого его накрыло холодным ужасом, его сердце тревожно заколотилось, и он жадно сглотнул, смочив сухое горло.

Пока У Чан пребывал в потрясении, Го Бохай принялся ругать волчицу:

— Что за поведение? Ты только что нас двоих чуть не убила, разве так должны вести себя гордые волки клана У? — волчица опустила хвост и уши. — Ни разу не наказывал, а стоило бы!

У Чан смотрел на них, и сердце его сжималось: «Не надо так, Юэ всегда любила только вас, наставник, больше всех на этом свете». В тот момент наследник вспомнил день, когда впервые увидел черный пушистый комочек. Поздно вечером он сидел в комнате наставника и в наказание переписывал очередную книгу, как вдруг в помещение ворвался Го Бохай в зимнем одеянии. Он быстро закрыл за собой дверь и впопыхах бросил в угол покрытую снегом накидку. Не подавая вида, он прошел мимо ученика в сторону жаровни, что грела комнату, и начал там копошиться. У Чан, тогда обиженный на весь мир за наказание, старался и глазом не повести на столь необычное поведение наставника, особенно когда услышал жалобные звуки, доносящиеся со стороны жаровни. Но любопытство взяло над ним верх. Он начал медленно подползать ближе так, чтобы наставник не заметил его. И вот уже рядом, выглядывая из-за спины мужчины и позабыв о своей обиде, он увидел маленький черно-белый комочек — руки наставника держали щенка. По размерам можно было сказать, что он только недавно пришел в этот мир, но почему он был весь в снегу?

— Учитель, — не сдержав интереса, поинтересовался У Чан, — что с ним случилось?

Страхивая снег с новорожденного и укладывая его на подушку, Го Бохай замер и хриплым голосом ответил:

— Этого щенка не хотели принять ни мир, ни его собственные родители, он так слаб, что... что после появления на свет собственная мать выкинула его на улицу, отдав в лапы судьбы.

Маленький комочек настолько промерз, что тепло, исходящее от жаровни, и горячие руки мужчины никак не согревали его, он сжимался и трясся, издавая уже практически предсмертные звуки.

У Чан со всей своей детской добротой и наивностью смотрел на эту жестокость, стиснув зубы. Тоска подходила к его горлу, и он был готов зарыдать от несправедливости прямо сейчас, но... за него это сделал другой. Го Бохай, который был не в силах скрывать от мира свои эмоции, гладил щенка разогретыми руками и тихо плакал. Огромные капли стекали с каменного, белоснежного, покрытого морозным румянцем лица и громко падали на пол, впитываясь в дерево. Каждый раз смахивая ресницами слезы, наставник проигрывал сам себе, ведь чем сильнее он пытался себя унять, тем больше скорби изливал над живым существом, затуманивая взор слезами и вызывая дрожь в руках.

Взрослые тоже плачут — это восхищало и одновременно удручало еще совсем юного У Чана. Насколько же доверял ему мужчина, что лил слезы перед ним? Насколько же доброе сердце у господина Го, что, проходя мимо сугробов, он не позволил себе оставить волчье дитя погибать? Притом что оба этих поступка северяне считали слабостью. Осознание этого в еще маленькой голове впервые вызвало у юного наследника чувство долга, ощущение, что в его защите кто-то нуждается. И мысль о том, что этот наставник не должен больше плакать, заставила его собрать всю волю в кулак и воскликнуть:

— Учитель, не плачьте! Если перестанете, я обещаю больше не доставлять проблем и прилежно слушаться вас, обещаю! Ну же... Почему вы не слушаете меня?

Го Бохай был так тронут невинными, пропитанными добротой словами воспитанника, что больше не смог себя сдерживать и всю ночь лил слезы у небольшой жаровни, выслушивая успокаивающий бубнеж наследника клана.

С того дня выхоженная наставником волчица, живя с нерадивыми родичами, каждый день мечтала отблагодарить своего спасителя, давшего ей имя Юэ.

Предавшись теплым воспоминаниям, У Чан не заметил, как поднялся наверх, а наставник протянул ему небольшую книжку, ту самую, купленную на блошином рынке и врученную волчице. Как бы ни желал Го Бохай обезопасить юношу

от походов в столь грязные во всех отношениях места ради пары страниц, он бы не смог. Воспитанник находил бы новые способы отыскать интересное. Немного помешкав, Го Бохай сказал:

— У Чан, ты действительно хочешь читать подобное? Это не входит в твое обучение, да и, вознесясь, ты навряд ли когда-нибудь столкнешься с чистилищем.

Немного легкомысленное заявление для человека, чья задача — подготовить будущего бога ко всему, что касается Небес, особенно пристанища душ. Чистилище, где покоятся души усопших, находится под присмотром небожителей, в их интересах защитить врата, что скрывают за собой несметное количество непереродившихся душ. Так что его слова и правда были лишены смысла.

— Учитель, глупо будет бросать на полпути. Я уже много прочел, и эта книга, по моим предположениям, должна раскрыть секрет происхождения двух стражей. Разве будет правильным сдать прямо сейчас?

Го Бохай, знающий об упорстве юного господина, мог лишь дать ему наставление и попросить его быть аккуратней.

— Только обещай мне больше не ходить на блошинный рынок к тому господину... Кажется мне, за добрыми намерениями этого продавца стоят злые умыслы.

У Чану и обещать не нужно было. Стоило просьбе только прозвучать, и ученик опустил корзину, поклонился, а руки сложил в учтивом жесте. Ладонь наставника легла ему на голову и взъерошила волосы. Го Бохай предчувствовал, как у воспитанника начинали скапливаться вопросы: «Кто же тот господин?», «Почему вы мне раньше не сказали?» Но ответить на них он не смог бы, так как сам до конца не понимал. Го Бохай решил молча удалиться, не дожидаясь созревших мыслей.

Но, уже сделав несколько шагов, он вдруг остановился и обратился к ученику:

— Если юный господин захочет, он может взять Юэ и пойти со мной в горы чуть повыше. Этот учитель хочет сходить за семенами льна.

День без учений, покупка корзины фруктов для счастливого наставника, поход на блошинный рынок — сегодня сама судьба улыбнулась юному наследнику, если вычеркнуть неприятную встречу на площади Тяньцзинь. А тут еще господин Го предлагает вместе прогуляться!

У Чан моментально воскликнул:

— С пребольшим удовольствием!

Поднимаясь, Го Бохай сильно удивился: помимо книги ученик взял с собой меч. Мужчина не выдержал:

— Зачем он тебе?

Идя впереди и терзая руками книгу в попытках разобрать письмена, У Чан остановился.

— Как зачем... Чтобы срубить высокую траву, что загородит вам путь.

Он демонстративно вынул звонкий и тяжелый меч из ножен и уже намеревался показать учителю всю мощь его удара по ничем не мешающей траве, как застыл от руки наставника. Стоя позади него, мужчина выхватил запрокинутый клинок и возмутился:

— За столько лет тренировок ты так и не понял? Меч — это твое продолжение, твой титул и отображение силы, а не инструмент для кошения травы!

Озадаченный словами У Чан все же не сдержал возмущения:

— Этому ученику не нравится его меч, что бы он там ни отображал!

Тяжелое и массивное оружие было вручено наследнику в честь десятилетия самим главой клана. Это был тот самый клинок, который в прошлом принес победу северному правителю, отстоявшему земли своего народа. Меч являлся семейной реликвией, и для достопочтенного, что в первую очередь был воином, подарить его в честь взросления наследника было весомым жестом. Понимал бы это его сын, возможно, отнесся к такому подарку уважительней — ни размеры, ни вес не соответствовали еще столь юному телу, и У Чан небрежно обходился с мечом, каждый раз бросая его где попало.

Го Бохай осознал: в словах и действиях ученика была правда. Кому захочется постоянно таскать с собой тяжелый груз, к которому принудили? Немного повертев клинок в руках, он вложил его обратно в ножны и произнес:

— В любом случае это твой меч... Если он тебе не нравится, мы найдем для тебя другой ко дню посвящения, но к подарку главы нужно относиться уважительно.

Мужчина упомянул день, когда Небеса развернутся и смертным будет дан знак — будущим небожителям пора готовиться к вознесению. И хотя до этого дня успеет смениться целое поколение смертных, юные дарования уже должны войти в историю. Три народа — восточный, северный и юго-западный — устроят пиршества в честь небесных жителей, украсят главные площади для улады глаз бессмертных и выйдут на улицы, чтобы повстречать шествие будущих богов. Все происходит в бурных овациях, под счастливые возгласы, так как каждый из людей хочет стать любимцем у новых покровителей. Но сама процессия весела и радостна только для зрителей и тяжела для избранных Небесами юношей и девушек. Никто из празднующих не в силах осмыслить истинную цель изнурительных тренировок, продолжительных созерцаний и медитаций рожденных стать богами, не признают и отказ от физических слабостей, к которым так уже прикипели. Духовность следует развивать с детства, поэтому будущих покровителей приучают отрицать смертные блага, отказываться от всего земного и эмоционального. Поскольку, когда они вознесутся, должны руководствоваться разумом, а не сердцем.

Ученик и наставник поднимались все выше, и Го Бохай, интригуя слушателя, сказал:

— Или...

— Или?

— Я подарю тебе свой меч, когда настанет время.

Услышав это, У Чан не смог выдавить ни слова. Его разум быстро захватило желание завладеть мечом самого наставника, которым он давно восхищался. Ученик смотрел на настав-

ника с широко распахнутыми глазами и раскрытым ртом — он явно никогда не думал, что этот день настанет.

— Хотя... возможно, он слишком легкий для...

Не дав договорить, У Чан воскликнул:

— Нет! Он идеален!

И от увиденного на лице ученика счастья Го Бохай весь сжался.

— Я честно хочу его, мне правда можно взять его?

В поместье У Чану было позволительно многое. Все же он был наследником Севера, и мать, хоть и понимала, кем ее сын должен стать в будущем, баловала его. У Чан мог брать и просить то, что захочет. Однако никогда не переходил эти границы в отношении наставника. Все, что принадлежало Го Бохаю, воспитанник без дозволения трогать бы не стал. И даже никогда ни о чем его не просил, а этот меч будто зажег в нем неясного рода пламя. И, осознав, насколько сильно У Чан хочет сменить свое оружие, Го Бохай согласился:

— Хорошо, я научу тебя им владеть.

— Разве я не умею? — расплылся в улыбке У Чан.

— Тот, что подарил тебе отец, и тот, что ношу я, — два разных меча. Один предназначен для сильных и мощных ударов, другой — для тонких и метких выпадов. Ты уверен, что хочешь его? Тебе придется заново...

— Без сомнений! Этот цзянь¹ элегантен во всех его представлениях, как и вы, учитель! Как я могу сомневаться?

Странное уточнение засмущило наставника, и он, пройдя вперед, кротко ответил:

— Значит, будет твоим...

Они шли, проминая тропу под ногами, и размышляли.

— А самому учителю разве не нужно оружие?

— Зачем? Разве я доставал его когда-либо по нужде?

— А вдруг придется!

---

¹ Цзянь — китайский прямой меч. В большинстве случаев на эфесе красуется кисть яркого оттенка, предполагается, что ее назначение — отвлекать противника.